

ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ

Марина Линник

Последняя осень

«Издательство Интернационального союза писателей»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Линник М.

Последняя осень / М. Линник — «Издательство
Интернационального союза писателей», 2026

ISBN 978-5-6056384-5-2

Зима 1936 года. В Москве две могущественные силы – НКВД и военная разведка – ведут тайную борьбу. Художник Аркадий Герасимов и его жена невольно оказываются в эпицентре этой схватки. После их ареста Екатерина получает предложение, от которого нельзя отказаться. Она становится агентом под прикрытием. Чтобы выполнить миссию, ей предстоит отправиться за океан. Но всё идёт не по плану: внезапно вспыхнувшая страсть к объекту наблюдения ставит под угрозу не только операцию, но и её жизнь. Однако в мире шпионажа нет места чувствам: любовь здесь – уязвимость, верность – игра, а предательство – вопрос времени. Сможет ли Екатерина сыграть по правилам жестокой игры и остаться живой, или эта осень станет для неё последней?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6056384-5-2

© Линник М., 2026
© Издательство Интернационального
союза писателей, 2026

Содержание

Шпионская сага с открытым финалом	6
Пролог	8
Часть первая. Первые раскаты грома	14
Глава 1	16
Глава 2	19
Глава 3	23
Глава 4	27
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	38
Глава 8	42
Глава 9	45
Глава 10	48
Глава 11	53
Глава 12	56
Глава 13	61
Глава 14	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Марина Линник

Последняя осень

Продюсер проекта Елена Наливина.

© Марина Линник, 2026

© Интернациональный Союз писателей, 2026

* * *

Автор выражает глубокую признательность доктору исторических наук, профессору, писателю, независимому эксперту по истории России и сопредельных государств, спикеру телевидения Черёмину Александру Александровичу за предоставленный материал и помощь в создании книги

Шпионская сага с открытым финалом

Марина Линник написала отменный шпионский триллер. «Последняя осень» – вещь уровня знаменитых романов Юлиана Семёнова, и здесь нет ни капли преувеличения. Действие начинается с лирической зарисовки встречи двух молодых людей в Петрограде. Неожиданно они находят мёртвое тело и сразу сообщают об этом в ЧК. Язык здесь очень романтический: ночная тревога, тяготение молодых людей друг к другу, близость войны – всё составляет эмоциональную основу текста, окрашивает его в богатые тона. Мы знакомимся с главной героиней Екатериной и её спутником, живописцем Аркадием Герасимовым.

Автор избегает жанровых шаблонов. Это очень важно сказать. Иначе нелегко будет понять, как устроен весь роман, какая фабула его двигает, какие сюжетные ходы его обрамляют и создают увлекательное полотно. Честно скажу: начал читать и так увлёкся, что вскоре обнаружил себя уже где-то в середине.

Интересно, что первая сцена, пролог, отодвинута во времени на восемнадцать лет назад. Это не сюжетная завязка, но тем не менее она имеет большое значение для развития событий.

Тем, кто любит историю разведки, многое скажет имя Локхарт, упомянутое в прологе.

И вот игра началась. На первый план выходит знаменитый разведчик Артузов. Он обдумывает новую операцию. Это и есть сюжетная завязка. От этой идеи Артузова и будет всё двигаться, но совсем не так, увы, как он задумал. Линник великолепно знает исторический контекст. В её описании реальных людей и событий, с ними происходящих, – абсолютная точность, скрупулёзность. Трагедия того времени оживает на наших глазах. Но в начале трагедия романа не наступила, ещё не назначен в НКВД палач и разрушитель Ежов, и разведка работает спокойно.

Марина Линник создаёт убедительные и правдивые портреты выдающихся разведчиков той эпохи, когда, служа в разведке, всякий мог получить пулю и от своих, и от чужих.

Слуцкий, Артузов, Урицкий... Для каждого Линник находит свои слова, выделяет особые детали поведения, показывает черты их характеров. «Семён Петрович Урицкий, закалённый в огне Октябрьской революции и Гражданской войны, ныне руководитель Разведывательного управления РККА, был человеком не только скромным, немногословным, но и принципиально честным, с аналитическим складом ума, беззаветно преданным делу революции. Благодаря усилиям Урицкого была создана эффективная система военной разведки СССР».

Стоит указать, что автор использует несколько приёмов, которые возвышают этот текст от просто шпионского триллера до большого романа. Здесь сложная система персонажей, психологические мотивировки их поступков часто вступают в противоречие с трафаретными образами бойцов невидимого фронта, а сама операция не заканчивается кинематографическим, очевидным триумфом. Концовка тонкая и открытая. И ничем не нарушающая правду исторического реалистического романа.

Впечатляет ход с заменой одного из главных героев. Начинается игра вокруг супружеской пары, с которой мы познакомились в прологе, но потом неожиданно мужчина меняется на другого персонажа. Художник Аркадий Герасимов уходит на второй план, уступая место опытному разведчику Андрею Горбу, который умело прикидывается им. Отношения между настоящими и мнимыми супругами в ходе действия выстраиваются в зримую арку. И тут Линник демонстрирует и психологическую, и стилистическую виртуозность. Развитие отношений не мешает общей интриге, но в то же время идёт живо, динамично, привлекает читательский интерес.

Поскольку интрига крутится вокруг исследований профессора Феллера, живущего в Америке, много действия происходит в США. Реалии Штатов той поры описаны со знанием

дела, Линник не избегает подробностей, её мастерство позволяет передать дух любой эпохи, любого времени.

Автор не боится разрушить флёр борьбы добра со злом. Она ничего не утаивает от читателя: если ей надо показать, как разведку обезглавили перед войной руками сталинских нетопырей, она это делает. Отправившиеся в Штаты советские агенты подвергаются смертельной опасности не только из-за происков врагов и работы враждебных спецслужб. Они заложники трагедии репрессий в СССР, заложники времени облыжных обвинений. Это придаёт роману второй и третий планы. Невозможно не сопереживать, невозможно не проклинать человеческую зависть и некомпетентность, приводящие к таким последствиям.

Объект, у которого советские разведчики должны выкрасть важные документы, иногда выглядит более человечным, чем энкавэдэшные бонзы. В этом одновременно и сложность, и простота романа Марины Линник. Он в первую очередь о людях, а не о целях разведки. При этом работу разведки Линник изучила досконально. В текст изящно вплетён профессиональный жаргон разведчиков, их действия описываются без «бондианы», предельно близко к реальности.

Автор не снижает стиль ради темпа. Её язык идеально подходит к реалистическому методу, который, слава богу, снова воцаряется в нашей литературе как основной. Она влюблена в литературу, ей всё интересно, её захватывает история нашей разведки во всём её трагизме и противоречивости. И этот интерес передаётся читателю. Читайте этот роман. Он доставит вам удовольствие и затронет ту щемящую ноту, что всегда есть в нас, когда мы знаем, куда дальше пойдёт история, а литературные герои – ещё нет.

Максим Замшев, российский писатель, поэт и прозаик, публицист, литературный критик, главный редактор еженедельного литературного и общественно-политического издания «Литературная газета»

Без права на славу – во славу Державы!¹

Тот, кто знает наперёд положение дел у противника, владеет секретом победы, словно божество...

Ван Си

¹ Девиз Службы внешней разведки.

Пролог

Май, 1918 год
Петроград

Серый туман окутал город, словно саван, размывая очертания домов, мостов, деревьев и растворяя одиночные огни фонарей в молочной дымке. Ледяной ветер, ворвавшийся вчера в Петроград и принёсший с собой непогоду, стих, оставив после себя лишь разбросанные по улицам в хаотичном беспорядке листовки, молодую листву да белоснежные лепестки отцветающих яблонь на тротуарах.

Атмосфера в городе, несмотря на долгожданную весну, накалилась до предела: ширилась и полыхала Гражданская война, разделившая общество на два лагеря. В Петрограде, ставшем центром большевистской власти, не утихали волнения, вызванные не только продовольственным кризисом и введённой продовольственной диктатурой, но и постоянной угрозой контрреволюционных выступлений и беспорядков. Из-за политической нестабильности и постоянной угрозы интервенции со стороны стран Антанты большевики, едва укрепившись у власти, были вынуждены принимать жёсткие, а порой и жестокие меры, чтобы удерживать контроль над страной. Аресты и расстрелы контрреволюционеров и «врагов народа» без суда и следствия стали обыденностью.

Политическая и социальная нестабильность, голод, репрессии и угроза войны – всё это создавало атмосферу страха и неопределённости. Яблони, конечно, продолжали цвести, но вряд ли могли значительно улучшить настроение жителей города.

– Куда мы идём? – сонным голосом поинтересовалась молодая особа лет восемнадцати. Она поёжилась, пожалев, что в спешке не накинула шаль матери, висевшую рядом с её одеждой. Подняв воротник слегка расклешённого серого пальто, девушка пыталась поспеть за мужчиной, торопливо идущим впереди.

Однако, преодолев едва ли метров пятьдесят, она, не выдержав темпа, замедлила шаг:

– Аркадий, ты так и не ответил: куда мы направляемся в столь ранний час?

Молодой человек обернулся. Приблизившись к спутнице, он недовольно взглянул на неё.

– Вот заладила: куда, куда, – проворчал он, выудив из жилета карманные часы. – Уже без малого пять... Сейчас сама увидишь! Поторопись, мы пропустим восхитительное зрелище!

И, подхватив мольберт, быстро зашагал в сторону Иоанновского моста.

«Отец меня убьёт, когда узнает, что я ускользнула без его ведома и разрешения из дома, – промелькнуло в голове молодой особы. – А если он догадается, с КЕМ я ушла... то мне точно несдобровать». Она поглядела вслед удаляющейся фигуре, которая постепенно скрылась в дымке.

– Какой сегодня густой туман, – вполголоса проговорила девушка, оглядываясь по сторонам. – Давненько я такого не видела. Не видно ни зги!.. Ох, не к добру это, ой, не к добру. Чует моё сердце, не надо было соглашаться на эту прогулку. Но как я могла отказаться, если, возможно, это наша последняя встреча? Послезавтра Аркадий отправляется на фронт. Вернётся ли он обратно? А если и вернётся, то захочет ли он меня видеть? Не разлюбит ли?

Девушка тряхнула головой, стараясь отогнать от себя мрачные мысли. «Нет-нет, всё будет хорошо», – уговаривала она себя, потому что не может быть иначе.

– Кэти, ты идёшь? Через пару минут уже начнётся! – слышался в тумане знакомый голос. – Мы пропустим настоящую феерию красок! Поторопись!

– Бегу, – улыбнулась Екатерина и поспешила за спутником, всё ещё гадая, ради чего такого необычного она ускользнула из дома, не предупредив родителей.

Впрочем, если бы Катя и рассказала об утреннем randevу с Аркадием, то всё равно бы не получила согласия родителей. Молодой художник никогда не нравился её отцу.

– У него нет никакого будущего, – втолковывал Максим Семёнович дочери. – Зачем он тебе? Чем будет зарабатывать на жизнь твой студент? Картинки малевать? Будет стоять где-то на улице и продавать свои сомнительные работы?.. И не возражай! Твой Аркадий не Репин и не Левитан. Видел его работы, могу судить о художественной одарённости этого студента.

– Но, папа, многие художники...

– Многие художники умерли в нищете от голода, – перебил её отец не терпящим возражений голосом. – А я не хочу такой участи единственной дочери. Думаю, твоя мать такого же мнения.

Он вопросительно взглянул из-под густых бровей на супругу, ища у неё поддержки в этом противостоянии. Софья Павловна закивала в ответ. Она была полностью на стороне мужа и, если бы увещевания отца прошли мимо ушей дочери, готова была изложить свои соображения.

– Папа, ты несправедлив! – воскликнула Екатерина, вскочив на ноги. Её большие глаза цвета голубых фиалок наполнились слезами. – Аркадий очень талантлив. Его преподаватель Василий Васильевич Савинский весьма хвалил его работы. А господин Кардовский пообещал даже взять к себе в театр после окончания Академии².

– Какая Академия?! Какой театр?! – вскричал отец, побагровев. – Выгляни на улицу! Посмотри, что происходит! Или ты совсем ослепла от любви? Мир рушится! НАШЕГО ПРИВЫЧНОГО МИРА БОЛЬШЕ НЕТ!!! Кругом разруха, хаос и голод. Каждый день я жду стука в дверь. Люди исчезают не десятками, а сотнями! А ты – «Академия», «театр».

Максим Семёнович резко встал с кресла и, заложив за спину руки, принялся мерить шагами комнату. Софья Павловна и Катя с тревогой следили за ним, пытаясь разгадать ход его мыслей. Наконец, успокоившись, отец подошёл к дочери и ледяным тоном произнёс:

– Даже если бы на дворе стоял не май восемнадцатого, а четырнадцатый год, то и тогда я не дал бы тебе родительского благословения. Так и знай. Негоже дворянам привечать разночинцев.

– Катюша, ты такое пропускаешь! – услышала девушка голос возлюбленного. – Ты должна это увидеть! О, невероятное, восхитительное зрелище... Бог мой! Если у меня получится передать это настроение, эту невероятную атмосферу на полотне, моя работа станет настоящим шедевром!

Девушка горестно вздохнула. Тревога за будущее – её и любимого человека – тяжёлым грузом легла на сердце. В отличие от спутника, жившего в какой-то введомой только ему реальности, она чётко осознавала: мира, к которому она привыкла с детства, больше не существует. В этом отец был прав. Великая война, революция и теперь Гражданская война перекроили судьбы многих людей, решительно изменили их жизненный уклад и мысли.

– Бегу-бегу! – рассмеялась Кэти и побежала по деревянному помосту навстречу зовущему её голосу.

– Стой! Замри на месте! – вдруг крикнул Аркадий.

– Почему? Что случилось? – заволновалась девушка. Она никак не могла справиться с внезапно охватившей её тревогой.

– Какая прекрасная перспектива!.. Не шевелись, я хочу запечатлеть твой силуэт на мосту в этой белёсой дымке на фоне восходящего солнца.

Стремительными мазками Аркадий принялся переносить на полотно увиденное, стараясь в мельчайших подробностях запечатлеть образ его возлюбленной, окутанный белым туманом, сквозь который пробивались первые лучи солнца.

² Речь идёт о Петроградской Академии художеств (в то время она называлась «Петроградские государственные свободные художественно-учебные мастерские»). – *Здесь и далее, если не указано иного, примечания автора.*

– Не шевелись!.. Ну пожалуйста! Ещё чуть-чуть!

– Долго мне ещё тут стоять? Я уже хочу посмотреть! – нетерпеливо проговорила Катя, охваченная любопытством. – Хоть одним глазком! Я устала стоять. Сколько можно ждать?

– Хорошо, – сдался Аркадий, отложив кисть. – Можешь подойти, но это только набросок, имей в виду.

Девушка быстро миновала остаток моста и замерла возле возлюбленного. Она поглядела на холст и с удивлением уставилась на художника:

– И ради этого ты поднял меня ни свет ни заря?

– Я же сказал, что это лишь набросок, – улыбнулся молодой человек. – Постараюсь до послезавтра закончить работу и подарить тебе перед отъездом. Это будет моим прощальным подарком. Кто знает, вернусь ли я с фронта? На войне всё может произойти. А так у тебя останется обо мне память.

– Не говори так, – охнула его спутница. Прижавшись к нему, она смахнула предательски набежавшую слезу. – Что... что я буду делать без тебя?

– Что-что... Выйдешь замуж, нарожаешь детей, – с тихой грустью ответил Аркадий, склонив голову. – Твой отец всё равно не даст согласия на наш брак. Он ясно дал мне это понять, когда я заходил к вам на той неделе просить твоей руки.

– Ты... предлагаешь мне руку и сердце? – прошептала Екатерина, отстранившись и с изумлением глядя на возлюбленного.

Нет, конечно, она мечтала о торжественной помолвке и даже в грёзах рисовала, как это произойдёт. И в её представлениях всё выглядело совсем иначе.

– Так ты выйдешь за меня замуж? Разделишь ли ты со мной жизнь?

Девушка уже приготовилась ответить на предложение, как вдруг из плотной пелены тумана до них донёсся протяжный тоскливый вой. Неясный холодок тревоги пробежал по спинам молодых людей, ибо в этом звуке было столько боли, столько нестерпимой муки, что слова, едва готовые сорваться с губ, застыли, словно осколки льда.

– Ч-что это? – еле слышно спросила она, схватив за руку Аркадия. – Ты же это тоже слышал? Откуда он раздавался?.. Тсс! Вот опять! Господи, да что же это такое?

Тишину вновь пронзили странные, леденящие кровь звуки: похожие на заунывные рыдания поначалу, они переходили в протяжное зловещее завывание. Влюблённые невольно вздрогнули. Они тревожно озирались, стараясь определить источник напугавшего их воя.

– Прошу тебя, уйдём отсюда! – взмолилась девушка, испугавшись не на шутку. Вцепившись в рукав тренча Аркадия, она потянула его в сторону моста. – Пожалуйста, пойдём! Мне так страшно!.. Я больше не могу здесь оставаться!

– Подожди, милая. Ну чего ты боишься? – как можно спокойнее произнёс художник, стараясь унять предательскую дрожь, охватившую его. Он нежно обнял девушку за плечи и, заглянув в её испуганные глаза, продолжил: – Разве ты никогда не слышала, как воют собаки? Ты же столько раз гостила в имении тётушки под Тверью. А она славилась как любительница борзых, как ты рассказывала. Так что в её доме жили не только её любимцы, но и дворовые собаки... Ну, милая? Это просто СОБАКА! И только.

– Ты не понимаешь... Это не просто собака, – пробормотала Екатерина, оглянувшись в поисках животного. – Это... это совсем другое.

– Я никак не пойму, что тебя так взволновало? – недоумённо поинтересовался художник. – Но раз ты хочешь уйти, то мы, конечно, уйдём. Только не волнуйся, прошу тебя!

Стараясь сохранять невозмутимость, он поспешно принялся упаковывать мольберт, тщетно пытаясь разгадать природу тревожного звука. В воздухе повисло зловещее безмолвие. Оно давило, подобно предвестнику неминуемой бури, заставляя молодых людей вздрагивать при малейшем шорохе.

– Ты не мог бы...

Отчаянный вой раненого зверя вновь прорезал тишину. И на этот раз молодым людям показалось, что он раздался совсем близко.

– Немедленно уходим! – закричала девушка, душа которой ушла в пятки.

– Давай лучше выясним, в чём дело, – предложил Аркадий, взяв себя в руки. Липкий страх, заставший его врасплох, рассеялся, уступив место любопытству. – Я убеждён, что разгадка совсем близко. Мне показалось, что звук исходит именно оттуда.

Он повернулся в сторону песчаной полосы, идущей вдоль Петропавловской крепости.

– Ой, нет-нет! – воскликнула Катя, попятившись. – Прошу тебя, ну пожалуйста! У меня недобрые предчувствия. Поверь мне, нам лучше покинуть это страшное место.

– Тогда останься здесь, а я схожу и выясню, в чём дело, – предложил художник. – Вдруг этому существу требуется помощь и своим завыванием оно пытается привлечь внимание... Я быстро!

Не дожидаясь ответа, он поцеловал руку возлюбленной, холодную и гладкую, словно мрамор, и скрылся в туманной пелене.

– Но так воют, только когда видят... мертвеца! – с ужасом прошептала Екатерина, глядя, как силуэт мужчины постепенно растворяется в дымке.

Внезапно удивлённый возглас разорвал тишину.

– Кэти, пожалуйста, мне нужна помощь! – услышала она отчаянный голос Аркадия.

Сорвавшись с места, девушка стремглав устремилась на зов. Не обращая внимания на колкий песок, мгновенно забившийся в ботинки на шнуровке, она неслась по берегу реки, изо всех сил придерживая одной рукой шляпку, грозившую слететь с головы в любой миг.

Вскоре она заметила неподвижно стоящую фигуру. Аркадий застыл, словно изваяние, с ужасом взирая на распростёртое на песке тело незнакомца, лежавшего на животе. Рядом с ним сидела беспородная собака и, подняв голову, жалобно выла.

– К-кто это? – невольно отпрянув, спросила Катя. Она с ужасом посмотрела на возлюбленного.

– Я... не знаю, – отозвался тот, не сводя взгляда с мужчины.

– Он жив? У него есть пульс?

– Судя по серому цвету лица и мокрой одежде, вряд ли, но ты права, надо проверить. Возможно, мы можем ему чем-то помочь.

Аркадий наклонился, намереваясь коснуться шеи незнакомца, но едва кончики пальцев ощутили её холод, он тотчас же отдернул руку.

– Что... что с ним?

– Кэти, забудь про пульс. Он холоден, как надгробный камень. Думаю, смерть наступила часа три-четыре назад. Давай-ка перевернём его на спину. Помоги мне, пожалуйста!

Но девушка, казалось, не слышала возлюбленного. Застыв от ужаса, она молча смотрела на распростёртое тело мужчины в чёрном шерстяном пальто. Поодаль, у самой кромки воды, лежала его шляпа.

«Какой кошмар, – пронеслось у неё в голове, – ещё вчера в это время этот человек ел, спал, занимался делами, любил, может быть, страдал... а теперь он лежит бездыханным у моих ног. И его убийца, возможно, бродит где-то рядом».

Вздрогнув, Катя оторвала взгляд от неподвижного тела и, словно загнанный зверёк, судорожно огляделась по сторонам.

– Дорогая, – вновь попросил Аркадий, – пожалуйста, помоги мне перевернуть его на спину.

– Да-да, – пробормотала она и крепко ухватилась за мокрое пальто незнакомца.

– На счёт три! – скомандовал художник. – Раз, два... три!

Перевернув мертвеца, молодые люди принялись разглядывать его. Это был мужчина средних лет, крепкого телосложения, с тёмными волосами и аккуратными усиками над тон-

кими, как нить, губами. Его острый, с горбинкой нос придавал лицу хищное выражение. Чёрное, насквозь промокшее пальто было сшито из дорогой ткани по последней парижской моде.

– Как думаешь, кто он? – спросила Кэти, немного придя в себя.

– Вот уж не знаю, – неопределённо дёрнул плечами Аркадий. – Но, судя по добротному пальто и модным брюкам, он явно не из числа нынешних хозяев Петрограда. Да и к нашим интеллигентам тоже не отнесёшь. Уж больно у него лощёный вид. Ты посмотри на его холёные руки!

– Пожалуй, ты прав. Но тогда кто он?

– Сейчас посмотрим. Наверняка при нём должны быть документы.

Пошарив по карманам, художник обнаружил в них обратный билет на поезд до Архангельска, денежные купюры и немного мелочи.

– Так, тут больше ничего нет. Интересно, а где у тебя, дружок, паспорт? – пробормотал молодой человек, расстёгивая пальто. – А вот и он... Паспорт гражданина... ого, Соединённого королевства Великобритании и Ирландии на имя Джеймса Мартина.

– Иностранец?! – воскликнула Кэти. – Но как он здесь очутился?

– Вопрос не в том, как он тут оказался, а из-за ЧЕГО его убили.

– Ты полагаешь, это убийство?

– Вряд ли человек, имея на руках обратный билет и паспорт с разрешением на выезд, добровольно захочет покончить с собой, дорогая.

– Вероятно, ты прав, – согласилась с ним его возлюбленная. – Ой, а это что?

– Где?

– Под его пиджаком. Похоже на листы бумаги!

– Чёрт возьми... Прости, дорогая. Но ты права!

Дрожащими от волнения руками он расстегнул пиджак и осторожно извлёк намокшие листы.

– Покажи, покажи! – заволновалась девушка. – Что на них написано? Наверное, вода сильно подпортила их?

– Да я бы не сказал, – промокая носовым платком первый лист, проговорил художник. – По всей видимости, они пропитаны чем-то, вероятно, льняным маслом или иным составом, отталкивающим влагу.

– Что там, что в них говорится?

– Трудно разобрать, ибо всё написано цифрами. Видимо, зашифровано.

– То есть ты хочешь сказать, – уставилась на Аркадия Катя, – этот господин... агент вражеской разведки?

Молодой человек лишь развёл руками.

– Раз он шпион, то мы обязаны сообщить... Я, правда, не знаю, кто занимается подобными делами.

– Полагаю, ВЧК, – предположил художник.

– Значит, мы должны немедленно направиться туда, обо всём рассказать и передать им документы, – с непреклонной решимостью заявила Екатерина.

Она уже собиралась вернуться к оставленным у моста вещам, когда её взгляд внезапно привлекла загадочная надпись на песке, находившаяся всего в метре от неподвижного тела.

– А это ещё что такое? – удивилась она. – Аркадий, смотри! Тут что-то написано!

Молодой человек оторвал взгляд от документов и поглядел туда, куда указывала его возлюбленная.

Lockhart

– Локкерт? Что бы это могло значить? – спросил Аркадий.

– Ох... что бы это ни значило, чувствует моё сердце, мы оказались в крайне неприятной истории. Уверена, она ещё сыграет с нами злую шутку. Вот увидишь...

Часть первая. Первые раскаты грома

И вечный бой! Покой нам только снится...
А. Блок

Глава 1

Декабрь, 1936 год
Принстон, штат Нью-Джерси

Мелкий дождь монотонно стучал по жестяному подоконнику кабинета. Этот час Артур Феллер, учёный с мировым именем, обычно проводил в кабинете, работая над статьёй или, как сегодня, готовясь к завтрашнему выступлению. Не будучи обременённым преподавательской деятельностью, он тем не менее всегда находил время для студентов Принстонского университета, охотно соглашаясь прочесть там лекции или провести семинары, хотя и не был штатным преподавателем.

Учёный, с головой погружившись в работу, совершенно упустил из виду, что около часа назад к ним пришёл доктор Лайонел Крамер осмотреть его заболевшую жену. Впрочем, к чему ему было беспокоиться, когда рядом с Элеонор находились Миранда, её младшая сестра, особа с невыносимым характером, и мисс Ким, его личный помощник? В их надёжности можно было не сомневаться: они всё уладят. Как всегда. Он привык, что женщины, окружавшие его, всегда приходили на помощь в решении любых вопросов, будь то бытовые или связанные с его научной работой.

Именно поэтому Артур был крайне удивлён, услышав тихий стук в дверь.

– Артур, вы позволите? – услышал он хорошо знакомый голос друга. – Я не сильно помешаю вам?

– Конечно, Лайонел, входите, – дружелюбно улыбнулся учёный, ощущая внутреннее раздражение.

«Какая наглость – прерывать меня во время работы! – подумал он. – Куда смотрит мисс Ким? Как она позволила вторгнуться в мой кабинет без приглашения в этот час, зная, что меня нельзя отрывать от дел? Сегодня же отчитаю её за столь непростительный проступок».

– Проходите, мой друг, присаживайтесь, – произнёс он вслух, указывая на кожаное кресло, стоявшее возле его стола. – Может быть, вы хотите чего-нибудь выпить? Давненько мы не разговаривали по душам. Рад, что вы зашли.

– Нет-нет, благодарю вас, – запротестовал доктор. – Мисс Ким предупредила меня, что завтра вы читаете лекцию, поэтому не хочу отрывать вас от работы.

«Вы УЖЕ это сделали, – произнёс про себя Артур, разглядывая вошедшего. – Интересно, ради чего он беспардонно вторгся в мой кабинет? Вероятно, хочет попросить меня о каком-то одолжении. Как я устал от подобных попрошайек! То какие-то благотворительные фонды ждут пожертвований, то непризнанные гении с просьбой прочесть их псевдонаучные опусы или написать предисловие к их трудам, то университеты настойчиво приглашают выступить, то какие-то экзальтированные мамы умоляют посодействовать в судьбе их “несчастливого” дитя... Да уж, известность – тяжкое бремя!»

Он откинулся на спинку кресла и, мило улыбнувшись, спросил:

– Вы всё ещё не женились, Лайонел. Не решились сделать Берте предложение?

– Вы же знаете, Артур, я закоренелый холостяк, – усаживаясь напротив профессора, ответил доктор. – Практика и наука поглощают меня целиком. На личную жизнь совсем нет времени. Да и что это будет за союз, если муж совсем не станет посвящать время семье?

– Но Берта – ваша помощница. Она всегда рядом, – не согласился с его доводами Артур. – Я же не раз видел, с каким обожанием она смотрит на вас. Преданная, верная женщина, которая разделит с вами не только тяготы профессии и одиночество вечеров, но и радость, и печаль, и, конечно же, ложе, став доброй женой. Полезное с приятным, как говорится. Посмотрите на нас с Элеонор! Какой крепкий брак!

– Я так не могу, мой друг. Я всегда строго разделял профессиональное и личное.

– А если бы Берта не была вашей ассистенткой, то вы сделали бы ей предложение?

– Если бы нас не связывали договорные обязательства, то возможно. Она весьма недурна, достаточно умна, начитана.

– Мой милый Лайонел, – расхохотался учёный. – Вы в своём репертуаре. Она прежде всего молода! Наслаждайтесь моментом, пока ваша спутница пышет здоровьем и полна сил... Я вспоминаю Ленни... Какой она была юной, воздушной, неотразимой! Её красота манила, притягивала, завораживала с юности. Моя первая жена всегда ревновала меня к моей кузине, с которой у меня было полное взаимопонимание. Да, она не столь эрудирована, как Маргарет, но... Элеонор всегда была заботливой и искусной хозяйкой, в отличие от Марго.

Учёный прикрыл глаза, погрузившись в воспоминания. В памяти возник тот день, когда после долгой разлуки он вновь увидел кузину в доме своей тётки, родной сестры матери. Да, бывшее очарование уже померкло, но её добрые глаза и мягкая улыбка настолько притягивали внимание, что он не мог оторваться от этого на первый взгляд непримечательного лица. А восхитительный пирог, испечённый специально для него, развеял последние сомнения относительно правильности принятого решения. Через неделю он объявил Маргарет об уходе. Обретя славу не без помощи своей первой супруги, он теперь нуждался в заботе и внимании, в том, чего Марго, увы, дать не могла.

– Так что, мой дорогой друг, – подытожил профессор, прервав затянувшееся молчание, – если женщина готова ради вашего блага свернуть горы, то не упускайте её. Служение мужу – вот наивысшее предназначение женщины!

– Артур, а вы когда-нибудь любили? – спросил доктор Крамер, испытующе взглянув на учёного.

– Влюблялся часто, так как сама по себе влюблённость – не самая большая глупость, и, я бы сказал, гравитация не несёт за это никакой ответственности. Наука – моя единственная любовь, Лайонел, – отозвался тот, мгновенно став серьёзным. – Я не могу позволить себе тратить энергию на романтические глупости, которые, кроме вреда, ничего не приносят. Как сказал Шекспир: «Любовь слепа и нас лишает глаз»³. Я не желаю ходить с поводёрём, мой друг.

– Если вы заговорили о великих писателях, позвольте мне процитировать графа Льва Толстого: «Лови минуты счастья, заставляй себя любить, влюбляйся сам! Только это одно есть настоящее на свете – остальное всё вздор». Я полностью согласен с ним.

Профессор рассмеялся. Он с интересом посмотрел на доктора, сидевшего напротив. Ему было забавно слушать рассуждения этого коренастого невысокого мужчины с голубыми глазами, поблёскивавшими из-под густых бровей, который в свои сорок шесть лет до сих пор оставался завидным женихом.

– Вы рассуждаете словно юноша, впервые познавший любовь, – подмигнув, сказал Артур. – Пора, мой друг, пора вам обзаводиться семьёй. И знаете, что я сделаю? Как только Элеонор поправится, мы пригласим вас с Бертой на пару дней в Сент-Огастин. Если вы там не были, Лайонел, вы многое потеряли. Это прелестное местечко. Оно не столь многолюдно, как Палм-Бич или Майами-Бич. У этого городка исторический шарм, в нём спокойно. Прогулки по узким улочкам, осмотр колониальной архитектуры, отдых на пляжах – сплошное наслаждение. И, возможно, под влиянием ярких впечатлений вы наконец-то решитесь обрести в лице вашей помощницы не только сотрудника, но и жену? Мы с Ленни будем рады вашему обществу. Что скажете?

– Артур, благодарю вас за заботу, – доктор Крамер немного помедлил, – но я, собственно, побеспокоил вас по совершенно иному поводу.

³ 137-й сонет, перевод С. Я. Маршака.

«Ну начинается, – мрачно подумал про себя учёный. – Я всячески старался направить разговор в другое русло, но он, болван, так и не понял. Что ж, хорошо. В любом случае ответ мой будет однозначным – НЕТ!»

– Слушаю вас, – проговорил Артур и, подавшись вперёд, оперся руками о стол.

– Откровенно говоря, я даже не знаю, с чего начать, – нерешительно сказал доктор Крамер. – Так как об этом очень сложно говорить... другу. А я надеюсь, что мы друзья.

– Безусловно... Чтобы было легче, Лайонел, начните с сути, – посоветовал профессор с невозмутимым видом.

– С сути... Ну что ж, хорошо, я попробую.

Он на минуту замолчал, пытаясь унять волнение, вызванное ужасной новостью, которую доктор был вынужден сообщить учёному.

– Артур, мне крайне тяжело говорить об этом, но... я должен... Простите, что принёс вам недобрую весть. Однако вы должны узнать обо всём первом.

– Я... я не понимаю вас, – нахмурился профессор. – Выражайтесь яснее, мой друг.

– Элеонор...

– Что с Элеонор? Она скоро поправится? Без неё все дела в доме встали! – с досадой заявил Артур. – Её сестра слишком глупа и амбициозна. От неё никакой помощи, один вред. Их постоянные пререкания с мисс Ким стали совершенно невыносимы. Ни минуты покоя в доме!

– Она не поправится, Артур. Элеонор умирает. Её болезнь прогрессирует. Сердечная недостаточность привела к ухудшению функции печени из-за недостаточного кровоснабжения. А цирроз печени ухудшил функцию сердца из-за нарушения гемодинамики. И я бессилен это остановить. Мне очень жаль...

Потрясённый новостью, учёный не сводил глаз с доктора Крамера. Слова врача не сразу достигли его сознания, так как разум отказывался верить. Отказывался верить, что его привычный мир, в котором он, великий учёный, ощущал себя всесильным, постепенно ускользал, подобно песку сквозь пальцы. Мир, где он, избалованный вниманием женщин, жил исключительно ради науки и собственных амбиций. Мир, где ему прислуживали, где помогали во всём, а он лишь пользовался всеми благами, ничего не отдавая взамен. Этому миру приходил конец!

– Этого... этого не может быть! – Профессор от волнения охрип. – Вы говорите неправду! Ленни... нет, нет! Она не может бросить меня! Кто же будет вести хозяйство, принимать гостей и устраивать вечеринки, оплачивать счета и общаться с внешним миром, когда я занят работой?

Лайонел с грустью посмотрел на знаменитого учёного и покачал головой. Ему почему-то стало невыносимо жаль этого человека, в котором себялюбие взяло верх над чувством элементарного сострадания к умирающей супруге.

– Поверьте, Артур, я сделал всё возможное.

– Сколько ей осталось? – с трудом выговорил профессор.

– Может, день, два... а может, всего несколько часов. Она очень слаба.

Внезапный стук в дверь заставил мужчин вздрогнуть. На пороге появилась высокая фигура помощницы профессора Феллера, облачённая в неизменно строгий костюм тёмно-серого цвета.

– Простите за беспокойство, сэр, но ваша жена просила подняться к ней.

– Передайте ей, что я зайду к ней через час. Как только завершу подготовку лекции. И тогда я немедленно...

– Простите, профессор, но, боюсь, у неё нет столько времени...

Глава 2

Ноябрь, 1936 год

Москва

Гоголевский бул., д. 18

Ночь неумолимо вступала в свои права. Промозглый ветер яростно трепал деревья, срывая с них последние пожухлые листья и закручивая их в безумном вихре прощального танца. Холод и сырость пробирали до костей запоздалых жителей столицы, спешащих домой. Рваные низкие облака, цепляясь за крыши домов, неслись по небосклону, закрывая собой редкие звёзды и бледный осколок луны. Свет фонарей, отражаясь в зеркальной глади асфальта, создавал призрачные блики. Город, несмотря на поздний час, жил своей неподвластной сну жизнью.

– Всё, Андрей, можешь идти. Я сам доделаю. Спокойной ночи, – проговорил мужчина лет сорока шести. Его сосредоточенное лицо выглядело усталым.

– Вам бы отдохнуть, Семён Петрович. Ночь на дворе, а вы приехали на работу чуть свет, – укоризненно покачал головой помощник.

– Всё в порядке, успеется. На том свете отоспимся, а пока дело надо делать. – Начальник с иронией улыбнулся.

Семён Петрович Урицкий⁴, закалённый в огне Октябрьской революции и Гражданской войны, ныне руководитель Разведывательного управления РККА, был человеком не только скромным, немногословным, но и принципиально честным, с аналитическим складом ума, беззаветно преданным делу революции. Благодаря усилиям Урицкого была создана эффективная система военной разведки СССР. Он скрупулёзно формировал структуру, выделяя и развивая специализированные направления – от агентурной работы до технического анализа, что позволило охватить все аспекты разведывательной деятельности. Под его железным руководством к 1936 году управление превратилось в один из самых влиятельных разведывательных органов в мире.

– Может, хоть чай вам принесу? – настаивал Андрей, зная о напряжённом дне начальника.

– Иди-ка спать, дружок, – по-отечески улыбнулся Урицкий. – Завтра у нас много работы.

– Есть идти спать.

Разговор прервал настойчивый стук в дверь.

– Товарищ Урицкий, разрешите войти? – спросил стоявший на пороге.

– А, это ты, Артур Христианович, – взглянув на заместителя, произнёс руководитель РУ. – Тебе тоже не спится? Ну, тогда заходи... А ты, Андрей, свободен. Не до чаёв теперь.

Тихо прикрыв за собой дверь, заместитель Урицкого застыл в нерешительности.

– Чего замер? Проходи, коль пришёл. Вижу, что не просто так ты вторые сутки на работе. Есть новости? Да не стой ты, присаживайся, в ногах правды нет.

Артур Христианович Артузов, корпусной комиссар, бывший чекист ИНО ОГПУ⁵, а ныне заместитель начальника Разведывательного управления РККА, отличался дьявольской работоспособностью и железной волей. Неудивительно, что в личном деле значилось, что он – один из самых талантливых и успешных сотрудников разведслужбы. Артузов выделялся цепким умом и выдающимися организаторскими способностями, за что снискал уважение среди

⁴ Семён Петрович Урицкий (1895–1938) – советский военный деятель, начальник Разведуправления Рабоче-Крестьянской Красной Армии, комкор с 1935 года.

⁵ ИНО – Иностраннный отдел ВЧК при НКВД РСФСР был создан 20 декабря 1920 года. Задачей ИНО было выявление на территории иностранных государств контрреволюционных организаций, ведущих подрывную деятельность против СССР.

сотрудников Разведуправления. Его коллеги воздавали должное его способности быстро оценивать ситуацию и принимать решения, отзываясь о нём как о высококвалифицированном и опытнейшем чекисте.

– Вы совершенно правы, – присаживаясь за стол, отозвался чекист. В его голосе звучала сталь. – Я только что получил информацию, что Германия больше не будет соблюдать статьи Версальского договора, касающиеся рек Рейна, Эльбы и Одера. Ранее они считались международными, поэтому страны, не имеющие выхода к морю, могли получить свободный доступ к мировым портам. Из чего можно сделать вывод, что эта страна всю ведёт подготовку к военным действиям, желая взять реванш... И её цель – СССР.

– По-моему, ты сгущаешь краски, – оборвал его Урицкий, бросив многозначительный взгляд на заместителя. – Да, сигналы о нарастающей агрессии со стороны Германии звучат постоянно, но товарищ Сталин продолжает сохранять оптимизм, настаивая на возможности диалога с Гитлером. Так что пока не стоит открыто говорить об угрозе миру.

– Ни в коем случае не ставлю под сомнение действия нашего руководства, – не меняя тона, отозвался Артузов. – Лишь делаю выводы из сложившейся ситуации. Судите сами: седьмого марта Германия вводит войска в Рейнскую область, обеспечивая себе удобный плацдарм для военного удара по Франции, Бельгии, Голландии, Люксембургу. Затем она быстрыми темпами строит военные укрепления, возводит мосты, строит автострасы в сторону границ соседних стран. А участие в гражданской войне в Испании? А подписание в конце октября германо-итальянского протокола о взаимопонимании? По моим сведениям, Германия готовится заключить договор, целью которого будет сотрудничество в борьбе против Коминтерна. А подобные действия – уже прямой вызов нашей стране, вы так не считаете?

– Ну-ну, придержи коней, – нахмурился товарищ Урицкий. – Ты же понимаешь, что я не могу пойти к товарищу Ворошилову и заявить ему, что нам следует готовиться к войне.

– Разве донесения Брайтенбаха⁶ не подтверждают мою правоту? Вспомните реакцию товарища Сталина, когда ему доложили об испытании прототипов будущих ракет на жидком топливе. Он отчётливо дал понять, что работы по советским ракетным проектам требуют ускорения. Товарищ Сталин счёл, что испытание немецкой ракеты обозначило реальную и существенную угрозу этого вида оружия для безопасности нашей страны.

– И тем не менее это не повод сеять панику, – отрезал Урицкий.

Ему уже доложили о тревожной записке наркома иностранных дел СССР Литвинова товарищу Сталину, в которой говорилось о предстоящем подписании японо-германского соглашения. В ней чёрным по белому было сказано: советскому правительству известно, что соглашение о борьбе с коммунизмом – лишь прикрытие для другого японо-германского соглашения, направленного непосредственно против СССР. Знал он и об уклончивых ответах господина Сако, представителя Японии в СССР, упорно твердившего, что все слухи о японо-германском соглашении лишены основания и Министерство иностранных дел поручило ему официально опровергнуть эти слухи как не соответствующие действительности. Но добытые разведданные говорили об обратном.

– Но, Семён Петрович, болезнь легче предотвратить, чем потом лечить. К тому же помните, что сказал в своём интервью товарищ Сталин в марте этого года, отвечая на вопрос, где может вспыхнуть новая война? «Центр этой опасности переместится в Европу. Об этом говорит хотя бы недавнее интервью господина Гитлера, данное им одной французской газете. В этом интервью Гитлер как будто пытается говорить миролюбивые вещи, но это своё “миро-

⁶ Вилли Леман (1884–1942) – сотрудник гестапо, начальник отдела контрразведки на военно-промышленных предприятиях Германии, гауптштурмфюрер СС и криминальный инспектор. Тайный агент советской разведки с 1929 года, ставший за время почти тринадцатилетнего сотрудничества с ней одним из наиболее ценных сотрудников.

любие» он так густо пересыпает угрозами по отношению к Франции и Советскому Союзу, что от «миролюбия» ничего не остаётся»⁷.

– Так-то оно так, но товарищ Сталин непреклонен и настаивает на том, чтобы дверь к соглашению с Германией оставалась открытой, невзирая на зловещие заявления Гитлера о том, что «Германия обретёт завершённость лишь тогда, когда Европа станет Германией. Ни одно европейское государство не имеет отныне законченных границ», – устало пожал плечами начальник Разведывательного управления. – Ты же сам понимаешь, Артур Христианович, что бы я ни сказал, мои слова утонут в глухой тишине. Хуже того, меня заклеят как паникёра. А времена сейчас беспокойные.

– Это не паника, Семён Петрович, – продолжил настаивать на своём Артузов. – «Фильтр» сообщает, что под видом пестицидов концерн «И. Г. Фарбен» разрабатывает боевые отравляющие вещества. И Штаты всячески поддерживают его через дочернюю компанию «Америкэн ИГ Кемикл. Корп.», вкладывая немалые средства в развитие предприятия. Мне кажется, все эти действия говорят о подготовке к началу химической войны со стороны Германии.

– Руководство концерна всё отрицает, – передёрнул плечами Урицкий. – А предъявленные обвинения называют дезинформацией.

– То есть вы предлагаете молчать? – не скрывая удивления, спросил Артузов. – Даже о том, что, согласно нашим донесениям от достоверного источника в Германии, при посещении завода фирмы «Крупп» Адольф Гитлер потребовал от руководства концерна создать оружие невиданной мощности?

– Что ты хочешь услышать от меня? – горько усмехнулся Урицкий. – Вспомни, как отреагировало руководство, когда в январе этого года я доложил, что в Германии впервые синтезировали боевые отравляющие вещества нервно-паралитического действия, способные не только уничтожать насекомых-вредителей, но и травить людей. «Ваши опасения безосновательны. Гитлер никогда не решится применять химическое оружие, так как во время Первой мировой войны сам был отравлен и чуть не лишился зрения из-за этого. Вас дезинформируют, вводя в заблуждение».

– Да, разумеется, я помню про «расстрельную разведку»⁸, – помрачнел Артур Христианович. – Вам приказали отозвать агентов, передавших эту информацию, в Москву, где их ждала тюрьма и обвинение в измене Родине.

– Именно. А они были лучшие из лучших. Мне стоило огромных трудов внедрить их в госструктуры. После этого пришлось заново заниматься инфильтрацией⁹.

– А что, если Гитлер замахнётся на создание чего-то принципиально нового? – внезапно спросил чекист, уставившись на начальника.

Семён Петрович испытующе посмотрел на подчинённого:

– К чему ты клонишь? Изъясняйся яснее.

– Я об исследованиях в области ядерной физики.

– И какое отношение ядерная физика имеет к оружию? Насколько я знаю, пока ещё ни одна держава даже не думает о возможности использовать атом в военных целях. Пока что, по крайней мере. Учёные всего мира, в том числе и наши: Иоффе, Капица, Ландау – изучают свойства атомных ядер и возможности высвобождения энергии, но пока их знания основываются лишь на теории.

– А если нет? Что, если кто-то вплотную подошёл к разгадке атомной энергии? Представьте, что будет со страной, если наши враги захотят создать оружие, основываясь на этой

⁷ Из записи беседы И. В. Сталина с председателем американского газетного объединения Скриппс-Говард «Ньюспейперс» Говардом. 1 марта 1936 года.

⁸ С 1934 года, и особенно в 1937-м, советских разведчиков расстреливали «пачками». Мотивировка – работа на иностранные разведки.

⁹ Внедрение – процесс проникновения агента разведки на территорию вражеского государства.

теории? Например, в Великобритании или США? Там тоже есть гениальные умы, способные теорию превратить в реальность, а мечту многих противников коммунизма – в кошмар.

– Артур Христианович, тебе бы поспать, – ответил Урицкий, усмехнувшись. – По-моему, ты перетрудился, раз тебе в голову приходит такой бред.

– Ну почему? Почему вы считаете, что это невозможно? После того как Эрнест Лоуренс сделал открытие в области циклотронов, началось активное изучение взаимодействия ускоренных частиц с ядрами атомов. Это дало новые знания о строении ядра и ядерных силах. То есть...

– Это всё ТЕОРИЯ, товарищ Артузов. Ни одна страна не решится создать оружие массового уничтожения. Так что не вижу причин для беспокойства. А поскольку ваши знания в физике весьма поверхностны, то я не считаю, что вы можете комментировать данные исследования.

– Позвольте не согласиться с вами, – упрямо возразил Артузов.

– Не позволю, – сердито бросил Семён Петрович, сурово посмотрев на подчинённого. Он не терпел некомпетентности и был очень требовательным и строгим руководителем. – Вам есть чем заниматься. Поэтому оставьте этот вздор и вернитесь к вашим прямым обязанностям. Я запрещаю вам думать на эту тему. Наше управление под пристальным вниманием руководства, и малейший промах может стоить жизни нам обоим... Вы свободны!

– Есть, – выдохнул Артузов, вскакивая со стула, словно ужаленный.

Вскинув руку к виску, он поспешно вышел из кабинета начальника управления.

Но... несмотря на прямой запрет касаться ядерной физики, Артузов решил довериться интуиции и тайком продолжил выполнять программу внедрения агентов, прекрасно осознавая, что его решение окажется роковым в случае ошибки.

Заместитель Урицкого вызвал наутро своего ближайшего помощника, товарища Николенко, и, понизив голос, отдал чёткие распоряжения:

– Александр Николаевич, мне нужны люди особенные: чрезвычайно умные, хитрые, как лисы, ловкие, как тени, готовые на всё ради достижения цели: раствориться в толпе, не оставив следа, выведать тайну и исчезнуть с данными в мгновение ока. Но главное... об их задании не должен знать никто. Только ты и я. Понял?

– Так точно, товарищ Артузов. Такие люди найдутся, будьте уверены!

Глава 3

Декабрь, 1936 год
Москва

Молодая женщина в элегантном шерстяном платье синего цвета застыла в задумчивой позе перед картиной на стене. Её взгляд, неподвижный и сосредоточенный, был прикован к полотну, а разум вновь и вновь уносил её в тот день, когда на холсте ожили краски. Она смотрела на тоненькую фигурку, стоящую на мосту, объятую плотной пеленой, и не узнавала себя. Изображение казалось миражом, возникшим из самой глубины тумана, окрашенного восходящим солнцем. В ней таилось что-то неземное, что-то таинственное и загадочное.

С тех пор минуло долгих восемнадцать лет. Чего только не произошло в её жизни за эти годы: прощание с любимым, Гражданская война, месяцы томительного ожидания новостей с фронта, неопределённость из-за ситуации в стране, полуголодное существование, внезапная смерть родителей и братьев от сыпного тифа, изматывающая болезнь и... всепоглощающее одиночество. Омут безысходности едва не поглотил её в то время. Внезапное возвращение её возлюбленного, израненного и истощённого, стало спасительным лучом.

Аркадий вернул ей вкус к жизни, словно солнце, растопившее лёд отчаяния, прогнал её страхи, неприятные воспоминания и мрачные мысли. После свадьбы они пошли учиться: он – во ВХУТЕМАС, продолжая прерванные занятия живописью, она – на Высшие курсы иностранных языков при Главном управлении профессионального образования, мечтая стать переводчицей, как того хотела её покойная матушка.

Первая их поездка за рубеж состоялась в 1923 году. Им посчастливилось принять участие в выставке русского и советского искусства в Нью-Йорке. Молодой, дерзкий художник из новой России произвёл неизгладимое впечатление на тамошнюю публику. Получив несколько интересных крупных заказов, супружеская чета на несколько лет обосновалась в США. Окончив работу, Аркадий вернулся на родину уже признанным мастером.

С тех пор они часто ездили по дорогам и весям родной страны, участвуя во Всесоюзных выставках и творческих проектах. Работы талантливого художника, выполненные в различных жанрах, отражали дух эпохи и перемены, происходящие в обществе, поэтому высоко ценились руководством СССР. Помимо пейзажей, Аркадий Герасимов запечатлевал на своих полотнах трудовые подвиги людей, достижения в науке и технике. Его работы, несмотря на модный в то время соцреализм, отличались вниманием к деталям и глубоким психологизмом. Художник умело передавал в своих картинах не только преобразования, направленные на создание нового общества, но и эмоции и переживания героев, создавая запоминающиеся образы.

Вот и сейчас Аркадий готовился к открытию персональной выставки, шаг за шагом проверяя и перепроверя детали. А она вместо того, чтобы помогать мужу, стояла у картины, с которой началась их история.

– Любуешься картиной, Катюша? – услышала она за спиной знакомый голос.

Вздрогнув от неожиданности, женщина медленно повернула голову и, взглянув на мужа, улыбнулась:

– Прости, Аркаша, я не слышала, как ты подошёл.

– Естественно, тут стоит такой гвалт, – засмеялся мужчина, разводя руками. – Честно, даже и не представляю, как мы управимся до завтра. Столько ещё предстоит сделать!

– Ты всегда нервничаешь, дорогой, – ответила она, подойдя ближе и поправляя мужу сбившийся галстук. – И совершенно неважно, персональная эта выставка или нет. Ты – перфекционист.

– Вовсе нет, – рассмеялся Аркадий, обняв её за талию. – Просто люблю, чтобы всегда и во всём был порядок. Этим-то я и отличаюсь от многих других художников. Я тут на днях заходил к Василию¹⁰, приглашал его поучаствовать в выставке картин московских художников, которая состоится летом в Ялте, так видела бы ты его мастерскую! Нет, в такой обстановке я не смог бы работать. Мне бы ничего не пришло в голову, кроме хаоса и мрачной бездны.

– Дорогой, ты преувеличиваешь. – Екатерина ласково провела рукой по щеке мужа. – Это всего лишь творческий процесс, художественный беспорядок. Я была в гостях у именитых писателей, поэтов... Поверь, их рабочие кабинеты мало чем отличались друг от друга. Настоящий апокалипсис бумаги, книг, записок и заметок. Многие из них утверждают, что тот самый беспорядок, который ты обозвал хаосом, – плодородная почва для воображения.

– Ерунда какая, – скептически пожал плечами Аркадий. – Ты сейчас пытаешься оправдать их неряшливость.

– Вовсе нет. Лишь пытаюсь объяснить, что все люди разные... Я недавно читала воспоминания современников о выдающихся людях, стремясь познать их характер, натуру. И знаешь, что меня поразило?

– Ну и что же?

– А то, что многие великие умы, гении пера находили вдохновение именно в этом самом кажущемся хаосе. Взять, например, Чарльза Диккенса. Известно, что его рукописи пестрели исправлениями, вставками и вычёркиваниями. Он многократно переосмысливал текст, добиваясь совершенства. Он хотел глубже понять своих персонажей. И его стол, несомненно, в чём-то походил на рукописи. И мастер в этом не одинок. Или вот ещё...

– Катюша, воспоминания – это, безусловно, интересно, даже увлекательно, – прервал её Аркадий, – но картины сами себя не повесят. А завтра очень ответственный день. Да, и ещё вчера в КДИ¹¹ мне намекнули, что выставку может посетить ОН...

– Товарищ Сталин? – ахнула от неожиданности Катя.

– Ну, – протянул художник, – это тыхватила через край. Кто я такой, чтобы мной интересовался великий человек? Я – мелкая сошка. Впрочем, если я когда-нибудь удостоюсь Государственной премии, то тогда, возможно, мы и познакомимся с вождём народов.

– Тогда кто же должен приехать? – допытывалась его жена, не скрывая неподдельного любопытства. – Кто этот таинственный ОН?

– Товарищ Керженцев¹². Сейчас от этого человека многое зависит. Так что будь к нему внимательнее.

– Мог бы и не предупреждать. – Супруга лукаво улыбнулась. – Я всегда учтива со всеми твоими гостями, вне зависимости от званий и регалий. Я просто очень люблю людей, и многие отвечают мне взаимностью.

Аркадий с нежностью поглядел на супругу. Конечно же, он знал, что у его Катеньки удивительный дар – умение располагать к себе собеседника. Умная, начитанная, с красотой, словно сошедшей с полотен старых мастеров, она была истинным украшением любого вечера. Глубокие знания в художественной сфере делали её интересным собеседником, а искрящийся взгляд больших глаз завораживал окружающих. Умение обходить стороной сплетни и не обращать внимания на мимолётные слухи лишь подчёркивало мудрость молодой женщины.

– Я знаю, ты у меня умница, – приобняв жену, мягко проговорил он. – Ну что? Пошли работать? У нас ещё масса дел!

¹⁰ Василий Иванович Видулов (1904–1971) – советский живописец, представитель стиля реализм. Автор пейзажей, портретов, а также жанровых и исторических картин преимущественно на социалистическую тематику.

¹¹ Всесоюзный комитет по делам искусств при Совете народных комиссаров СССР. В 1936 году все художники СССР подчинялись ему.

¹² Платон Михайлович Керженцев (1881–1940) – первый нарком Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК СССР, должность занимал с 17 января 1936 года по 15 января 1938 года.

Выставка превзошла самые смелые ожидания: все три зала, где были представлены наиболее знаковые картины Аркадия Герасимова, были заполнены людьми всех возрастов, положений и званий. Многоголосый гул не прекращался ни на минуту. Одни восторженно отзывались о реализме художника, о чётких линиях и о проработке деталей, отличавших его произведения, подчёркивая важность реалистичного изображения действительности и социальной значимости произведений. Другие вполголоса ругали его за консервативное направление в искусстве, превозносили сюрреализм и абстракционизм, способные показать внутренний мир творца. Эти сторонники новаторства в искусстве настаивали на приоритете формальных экспериментов.

– Нет, ну вы только посмотрите! – скептически глядя на одну из картин, воскликнула вызывающе одетая дама. – Ну что это за стиль? Какая тошнотворная идиллия! В пейзаже нет никаких намёков на социальные проблемы или противоречия. Где борьба? Где призыв к высоким целям?

– Аполлинария Васильевна, я полностью согласен с вами, – поддержал её спутник, низенький мужчина лет тридцати в очках. – В картине присутствует некоторая идеализация действительности, не могу не согласиться. Даже после дождя всё выглядит спокойно, умиротворённо и несколько парадно. В жизни так не бывает.

– Естественно, права, – фыркнула дама и, бросив ещё раз презрительный взгляд на полотно, направилась дальше.

– Ах, какая прелесть, Андрюш, ты не находишь? – подойдя к той же самой картине, воскликнула молоденькая девушка в веснушках. – Посмотри, какое мастерство, какое внимание к деталям! Ой, мне никогда не достичь такого... Капли дождя на листьях, отражения в лужах, текстура дерева – всё это написано так точно, так правдоподобно.

– Да что ты, Марфуша, на себя наговариваешь, – ответил юноша, взглянув на девушку с обожанием. – Ты и лучше можешь. Ещё фору дашь этому художнику.

– Дурачок, – засмеялась его спутница. – Мне ещё учиться и учиться. Смотри, как передан эффект мокрой поверхности, отражающей свет и окружающие предметы. А отражения в лужах? Там и глубина, и живость композиции... Я могу представить, сколько терпения потребовалось товарищу Герасимову для создания этого шедевра.

Несмотря на полярность взглядов, на споры о технике и приёмах художника, большинство посетителей выставки всё же были вынуждены отдать должное Аркадию Петровичу Герасимову как выдающемуся мастеру кисти и виртуозному реалисту.

– Вот видишь, дорогой, а ты переживал, – улыбнулась Екатерина, глядя на мужа, одетого в элегантный оливковый костюм-тройку, подчёркивающий его зелёные глаза. – Полные залы. А в одном я заметила даже товарища Кеменова¹³. Судя по его мрачному лицу, ему понравились твои работы.

– Однако он никогда не признается в этом, – добавил Аркадий с довольным видом.

– Умный признает талант другого, глупый – попытается опорочить его, – заметила Екатерина. – В любом случае зависть не красит злопыхателя, а наоборот, ибо она деструктивна. Увлёкшись непомерным тщеславием, недалёкий человек лишается самоуважения и душевного спокойствия, посрамив при этом ещё и свою честь.

Аркадий восхищённо поглядел на жену. Прошло уже пятнадцать лет, как они поженились, а он, словно мальчишка, продолжал испытывать к супруге романтические чувства. С каждым днём он влюблялся в неё всё сильнее и сильнее, хотя, казалось, любить ещё больше уже невозможно.

¹³ Владимир Семёнович Кеменов (1908–1988) – советский историк искусства и государственный деятель, исследователь творчества В. И. Сурикова. Доктор искусствоведения, академик АХ СССР (1954).

– Знаешь, дорогая, – прошептал он ей на ушко, – когда закончится выставка, я предлагаю уехать на недельку в Крым.

– Зачем? Что мы будем там делать зимой? – удивлённо воззрилась на него супруга.

– Коктебель красив в любое время года... Погуляем по набережной, полюбуемся живописными скалами в Тихой бухте. Да и просто побудем вдвоём. Разве плохо?

– Хорошо, решим после выставки, договорились? А, кстати, вот и товарищ Грабарь...

– Добрый день, Игорь Эммануилович. Мы рады видеть вас на моей скромной выставке.

– Аркадий, ты, как всегда, недооцениваешь свои способности, – пожурил его пожилой мужчина среднего роста в очках. – В твоём возрасте и при твоих талантах уже пора искоренять эту привычку.

Пододошедший к паре посетитель был выдающимся человеком, одной из наиболее значимых фигур сначала в русской культуре, а затем и в советской. Его талант охватывал не одну сферу деятельности: педагог, художник, искусствовед, реставратор, автор многотомника «История русского искусства». И это далеко не весь список профессий, который он освоил за шестьдесят пять лет. Несмотря на возраст, Игорь Эммануилович был весьма энергичным, увлекающимся человеком, преданным искусству и науке.

– По сравнению с вашей выставкой в Третьяковской галерее осенью этого года – да, – простодушно ответил Аркадий.

– Всё потому, что постоянно стремлюсь к развитию, мой друг, – похлопав его по плечу, проговорил мастер. – Но и ты не стоишь на месте. Я посмотрел твои последние работы. Ты остаёшься верен себе, но в то же время в каждой работе добавляешь что-то новое, свежее. Я очень рад, что ты не погнался вслед за формалистами, увлётшимися модернистскими движениями.

– У него хороший советчик, Игорь Эммануилович, – улыбнулась молодая женщина.

– У вашего мужа, Катюша, на плечах есть голова, – парировал пожилой художник. – А талант без головы – беда для любого человека, кем бы он ни был. За свою жизнь я повидал много способных ребят. Но часто честолюбие, тщеславие затмевали им глаза. А ни один по-настоящему великий человек никогда не считал себя великим.

– Нельзя не согласиться с вами, – кивнула Екатерина. – Вы не поверите, но несколько минут назад я говорила мужу то же самое.

Внезапно их разговор был прерван странным движением. Вначале слышались возбуждённые крики, а после посетители шарахнулись по сторонам.

– Что случилось? – нахмурился Аркадий.

– Может, это прибыл наш высокий гость? – предположила его супруга.

– Вы кого-то ждёте? – вопросительно поглядел на художника товарищ Грабарь.

– Мне сказали, что товарищ Керженцев собирался посетить выставку.

– Что-то я сомневаюсь, что это он, дорогой.

– Твоя жена права, – задумчиво произнёс пожилой художник, которого охватила смутная тревога.

– Ох... не нравятся мне эти звуки...

В эту самую секунду перед ними появился человек в форме сотрудника НКВД в сопровождении вооружённой охраны.

– Товарищ Герасимов? – строго спросил мужчина металлическим голосом.

– Да, совершенно верно, – хрипло ответил художник. – Что вам угодно?

– Вы и ваша жена арестованы. Следуйте за мной...

Глава 4

Декабрь, 1936 год
Принстон, штат Нью-Джерси

Рождество... Долгожданное торжество, любимое не только детворой, но и многими взрослыми, в доме, объятom печалью, прошло в тягостной тишине. Её не нарушали ни хрустальный звон бокалов, ни лицемерные поздравления, ни оживлённые голоса гостей, ни даже приглушённый шёпот воспоминаний. Обитатели «Дома скорби», как окрестил его сам учёный, словно тени, избегали общения и старались не попадаться друг другу на глаза. По крайней мере, так поступал Артур Феллер, закрывшись в своей комнате.

Смерть жены потрясла его до глубины души. Он и помыслить не мог, что её когда-то не станет. Элеонор всегда была рядом: приносила дымящийся кофе, переписывала его научные статьи или лекции, отвечала на бесконечные письма, вела хозяйство, организовывала встречи, принимала гостей. Окружив его максимальным комфортом, она стала для него и жизненной прозой, и неотъемлемой частью повседневности. Из жены миссис Феллер превратилась в удобный и привычный предмет обихода.

И сейчас Артур Феллер, всю жизнь безраздельно любивший только себя и свою работу, скорбел не столько по внезапно почившей жене, сколько по утраченному комфорту, ибо ни сестра его безвременно почившей Элеонор, ни помощница не понимали его так тонко, как она.

– Начинаешь ценить человека только безвозвратно потеряв его, – тихо промолвил Артур, глядя на их свадебный портрет.

С пожелтевшей карточки на него смотрели два счастливых человека. Любил ли он тогда новоиспечённую супругу? Даже по прошествии многих лет Артур не мог дать однозначный ответ на этот вопрос. Что есть любовь? Человеку, не познавшему всю глубину этого чувства, трудно судить наверняка. Привязанность? Возможно. Забота? Но учёный привык к тому, что о нём все всегда и постоянно заботились. Обладая вздорным и непримиримым характером, он считал, что люди, окружавшие его, рождены лишь для того, чтобы создавать ему удобства.

– А разве нет? – пробормотал он. – Неужели я так много прошу? Им выпала огромная честь жить рядом с выдающимся человеком, признанным гением. Неужели я не имею права на малое внимание с их стороны или... каприз, называйте как хотите.

Встав с кресла, он медленно подошёл к окну. Артур молча глядел, как за окном неслышно падал снег, первый в этом году, укрывший мир белой пеленой.

– Ты всегда любила снег, Ленни. Всё сетовала, что он – большая редкость в Принстоне. Ты мечтала поехать в Швейцарские Альпы. Я обещал тебе эту поездку. Но, увы, так и не смог сдержать обещание.

Артур достал старую трубку, наполнил табаком и прикурил. В памяти всплыла его первая и единственная поездка в Церматт – очаровательную альпийскую деревушку, уже тогда прославившуюся как альпинистская Мекка. Летом туда стекались туристы со всей страны и не только, однако зимой это был мир элегантности, покоя и красоты, весьма контрастирующий с шумной городской жизнью. Немногочисленные отели и гостевые дома, работавшие в зимние месяцы, встречали гостей теплом и уютом. Постояльцы могли наслаждаться традиционной швейцарской кухней, сидя у потрескивающего камина, и любоваться заснеженными пейзажами и потрясающим видом на гору Маттерхорн, символ Швейцарии. Учёный часто делился с Элеонор воспоминаниями об этом небольшом путешествии, времени глубоких размышлений. Тогда, будучи человеком, статьи которого перевернули физику, он не мог найти работу. Последнее фиаско – в конкурсе на должность учителя математики и начертательной геомет-

рии: Артур не смог попасть даже в число трёх финалистов. Это окончательно подорвало его душевное равновесие.

Сбежав из Берна на несколько дней, учёный предался размышлениям о дальнейшей жизни. Именно здесь, среди величественных гор, переосмыслив многие моменты, Феллер преодолел гордыню и всё же по возвращении решил написать докторскую диссертацию, чтобы получить место приват-доцента.

– Ах, как бы мне хотелось увидеть то, что видел ты, Арт, – вздохнула Ленни после рассказа мужа. – Я обожаю горы, утопающие в снегу.

– Ты когда-нибудь была в горах, дорогая?

– Нет, да ты и сам знаешь. Наши семьи жили скромно. О подобных путешествиях мы могли только мечтать. Тебе повезло.

– Мы обязательно съездим туда. Вот только разберусь с делами.

Но дела никак не заканчивались, а вскоре к власти в Германии пришли нацисты, и Артур, опасаясь преследований и иных провокаций, переехал в США, где его давно ждали.

– Мы так и не побывали в Альпах, Элеонор, – не отрывая глаз от укутанной пеленой снега природы, прошептал учёный. – Сначала не было времени, потом стало слишком опасно. Но, возможно, ты сейчас именно там, где всегда мечтала быть. Кто знает...

Внезапно за дверью послышались звуки возни и разбитой посуды. За ними последовали удивлённые возгласы, неразборчивые слова, перешедшие в возмущённые восклицания.

– Господи, ну до чего же мне надоели бесконечные распри и перебранки, – с досадой проговорил Артур, покосившись на дверь.

Он знал, что мгновение спустя она распахнётся, на пороге появится его помощница мисс Ким и металлическим голосом будет обвинять его свояченицу, а по совместительству кузину, в возмутительном поведении. Вслед за ней появится разъярённая Миранда, полная противоположность почившей сестре, и примется доказывать неправоту ассистентки. При жизни Элеонор эти двое, скрывая лютую неприязнь друг к другу, находили зыбкий компромисс. Но теперь война разгорелась не на шутку.

– Мисс Миранда, что вы делаете со столовой посудой? – сверкнув глазами, с ледяным спокойствием спросила мисс Ким. – Вот посмотрите, что вы учинили. Теперь придётся покупать новый сервиз. Надо было попросить меня поставить его в буфет. Я точно бы справилась лучше вас, и удалось бы избежать лишних расходов.

– Вы хотите сказать, любезнейшая, что у меня руки-крюки, не так ли? – гневно парировала темноволосая, со вздёрнутым носом женщина лет тридцати пяти. – Скажите мне в глаза, что я – бестолочь и никчёмность, способная лишь просиживать целыми днями в кресле у камина и читать дешёвые бульварные романы.

– А разве это не так? – невозмутимо ответила мисс Ким. – По-моему, вы сами только что нарисовали свой портрет во всей красе. Добавить нечего.

Миранда Невилл побагровела от гнева. Стоящая перед ней надменная женщина постоянно доводила её до белого каления. Сестра покойной никак не могла взять в толк, почему Ленни позволила этой змее жить в доме Артура. И не просто жить, а бесцеремонно вмешиваться в дела профессора и его супруги.

– Будь я на твоём месте, я давно бы избавилась от неё, – как-то вечером, сидя в гостиной, еле слышно произнесла женщина, приехавшая в гости к сестре по её настоятельной просьбе. – Весьма неприятная особа. Её строгий взгляд словно буравит тебя насквозь.

– Не преувеличивай, Мэнди, – улыбнулась в ответ Элеонор. – Мисс Ким исполнительна, хорошо знает своё дело, безгранично предана Артуру.

– А тебе не кажется, что они слишком много времени проводят наедине?

– Сейчас, когда я нездорова, это вполне объяснимо: я не могу выполнять все поручения мужа.

– А что, если...

– Никаких «если», – перебила её сестра. – Марта Ким – помощница моего мужа, и только. И давай больше не будем говорить на эту тему.

– Но помощники, а точнее помощницы, порой проявляют излишнее рвение в исполнении своих обязанностей и...

– ...становятся любовницами? – Женщина отставила фарфоровую чашку с недопитым чаем в сторону и сурово посмотрела на сестру. – Ты на это намекаешь?

– Даже если и так. Сегодня она влезла в ваш дом, а после и займёт твою спальню. Разве ты не видишь, чего добивается старая карга?

– Я никогда не позволяю личным симпатиям и антипатиям влиять на мои профессиональные обязанности, – услышала Мэнди за спиной металлический голос помощницы. – Я предана миссис Феллер и её мужу. И моя обязанность – обеспечить максимально комфортные условия работы мистеру Феллеру и делать всё, чтобы миссис Феллер поскорее выздоровела.

– Ну конечно, так я тебе и поверила, – пробормотала вполголоса Миранда, покосившись на мисс Ким. – Ты делаешь всё, что надо, ничуть не сомневаюсь.

– Мэнди! Извинись сейчас же! – вскипела Элеонор. – Я не потерплю никаких раздоров в моём доме. И хотя этот дом – и твой дом, но тем не менее я не позволю оскорблять невинных людей. Поэтому если ты намерена гостить у нас до самого Рождества, то советую попридержаться язык... Вас это тоже касается, мисс Ким. Вы тотчас же лишитесь места, если я услышу словесные баталии или взаимные обвинения. Вам ясно? А теперь пожмите руки в знак примирения.

Две женщины обменялись взглядами, полными неприкрытой ненависти. Их вражда, начавшаяся с первой минуты пребывания Миранды в доме сестры, переросла в открытый конфликт, который хозяева дома либо не замечали, либо делали вид, что не замечают.

– Я принимаю ваши извинения, миссис Невилл, – надменно проговорила мисс Ким, нехотя протягивая руку для символического рукопожатия.

– А я, в свою очередь, обещаю больше не придираюсь к вам, мисс, – ответила Мэнди, слегка пожав холодные пальцы помощницы учёного.

– Вот и чудесно, – улыбнулась Элеонор, прекрасно понимая, что на этом война двух женщин не только не прекратилась, а наоборот, может в любой миг разгореться с новой силой.

Миссис Феллер оказалась права. Едва последний гость покинул дом после траурной церемонии, как разразилась буря, не утихавшая ни на один день. Стало очевидно: кто-то из них двоих – лишний. И этот «лишний» должен был покинуть дом в самое ближайшее время. Но кто это?

В дверь тихо постучали.

– Можно войти, мистер Феллер? – услышал профессор голос помощницы.

«Ну вот, опять начинается, – устало вздохнул Артур и, отойдя от окна, медленно вернулся в любимое кресло. – Сейчас начнётся светопреставление. Ленни, как ты могла оставить меня на растерзание этим двум взбалмошным женщинам? Какое проявление эгоизма! Никакого покоя в доме. Совершенно невозможно работать в такой обстановке. Нужно что-то предпринять. Но что, чёрт возьми?..»

Профессор не успел ничего придумать, как дверь тихо приоткрылась и в кабинет неслышно вошла мисс Ким.

– Мистер Феллер, простите, что прерываю ваши размышления, но дело не терпит отлагательств, – проговорила она, уставившись на учёного.

– Хорошо, входите, Марта, – устало вздохнул Артур. – Что вам угодно?

Мисс Ким открыла рот, чтобы ответить, как в тот же самый миг в комнату с шумом ворвалась Миранда:

– Кузен, это невыносимо! Эта женщина ни во что не ставит ни меня, ни тебя, ни светлую память нашей горячо любимой Ленни. С её ухода не прошло и сорока дней, а эта чудовищная

мисс Ким уже хозяйничает в её конторе, роется в бумагах, читает письма и просматривает счета.

– Я могу объяснить, – невозмутимым голосом прервала молчание Марта. – Да, мне очень жаль покойную миссис Феллер. Но жизнь продолжается, счета поступают ежедневно, равно как и письма, на которые следует отвечать. Именно поэтому я взяла на себя смелость и просмотрела документы вашей жены, сэр, чтобы не оставить кого-нибудь или что-нибудь без внимания. Правильно ли я поступила, мистер Феллер?

– Я и сама хотела это сделать, – фыркнула Мэнди. – В конце концов, это я сестра Элеонор, а не вы. А копаться в чужих бумагах – мерзко и низко!

– Вы только хотели, а я сделала, – не поворачивая головы, тем же самым тоном парировала Марта.

– Да как вы смеете говорить со мной в таком тоне? – воскликнула кузина учёного. – Артур, куда ты смотришь? Твою кузину оскорбляют в её же доме? И кто? Какая-то выскочка из Нью-Мексико, или откуда вы родом?

– Из Алабамы, – сквозь зубы процедила помощница.

– Час от часу не легче, – с презрением окинула её взглядом Мэнди. – Захолустье, где о приличиях и хороших манерах не слышали отродясь. Теперь понятно, откуда у вас такая дерзость.

– Миранда, довольно! – взорвался профессор. – Мне надоел ваш обмен любезностями. Так больше продолжаться не может. Именно поэтому одной из вас следует сейчас пойти к себе в комнату и собрать вещи.

– Вам ясно, мисс Ким? – ехидно поинтересовалась сестра Элеонор. – Идите и соберите свои пожитки и возвращайтесь в Алабаму.

– Я не сказал, кому следует покинуть мой дом, кузина, – оборвал её Феллер.

– Что? Ты хочешь сказать, что выгоняешь меня из моего дома? – возмущённо воскликнула Миранда.

– Во-первых, это МОЙ дом, дорогая кузина, – заметил профессор, исподлобья поглядев на родственницу, – и я решаю, кто будет в нём жить. А во-вторых, из-за твоих бесконечных скандалов я потерял покой, в котором очень нуждаюсь. Жить с тобой – настоящая пытка. И я хочу избавиться от занозы, которая мешает мне работать и в целом нормально существовать.

– Так, значит, я – заноза, Артур? Я правильно поняла тебя? – подойдя к столу, переспросила Миранда. – Да Ленни сейчас переворачивается в гробу, слыша твои слова. Это она пригласила меня сюда, дала кров и оказала мне всестороннюю поддержку после кончины моего мужа. А ты... ты выгоняешь меня, как надоевшую старую собаку... И вот что я скажу тебе, разлюбленный кузен: Элеонор ушла из жизни так рано из-за тебя. Из-за твоего непомерного эгоизма и себялюбия. Твоё потребительское отношение к ней, а не любовь – убило её, истощило её силы. Ты всегда относился к ней как к вещи, лишённой собственной значимости, не позволяя Ленни проявить свою подлинную индивидуальность и уникальность. Она всё терпела ради тебя, даже тогда, когда ты позволял себе увлекаться другими женщинами, когда открыто пренебрегал женой, ущемляя её интересы. Твоё наплевательское отношение в конечном итоге вызвало у неё чувство безнадёжности, потери смысла жизни и постоянного стресса, из-за которого она и скончалась. Она ТАК любила тебя... И что? Что ты дал ей взамен? НИЧЕГО!

Миранда резко повернулась и направилась к двери. Она уже хотела покинуть комнату, но, обернувшись, произнесла:

– Я уеду, Артур, не волнуйся. И больше ты ничего не услышишь обо мне. Но если есть Бог на свете, то Он накажет тебя. Я от всего сердца желаю, чтобы и ты когда-нибудь познал муки любви. Чтобы ты, как и Ленни, умирал день за днём от неразделённой любви...

Артур Феллер усмехнулся. Он будет умирать от любви? Да ещё и в его возрасте? Абсурд! Но если бы он знал, что слова кузины окажутся пророческими...

Глава 5

Декабрь, 1936 год
Москва

За окном неторопливо проплывали знакомые вереницы домов, улицы, по которым художник Герасимов не раз прогуливался с женой, вдыхая ароматы цветущих лип; неспешно идущие по тротуарам горожане, чьи лица озаряло заходящее солнце; яркие витрины магазинов и чайных, из которых доносился аромат свежей выпечки. Мирная жизнь, в одночасье превратившаяся в несбыточную мечту для тех, кто ехал в ГАЗ М-1, или «чёрном воронке» – так прозвали легковой автомобиль с закрытым кузовом, сопровождаемый мрачными охранниками и офицером, одетым в двубортную шинель тёмно-синего цвета со стоячим воротником, отороченным малиновым кантом.

– Куда вы нас везёте? Мы ни в чём не виноваты! – в который раз спросил Аркадий Герасимов, повернувшись к молчаливому военному. – Вы не имеете права нас арестовывать. Это незаконно! Где ордер на наш арест? Это превышение полномочий, самый настоящий произвол. Я буду жаловаться в прокуратуру и горком партии!

– Аркадий, прошу тебя, успокойся, – взмолилась Екатерина, дрожащей рукой сжав ладонь мужа. – Уверена, сейчас всё прояснится. Весьма возможно, начальнику этого... любезного товарища просто нужно задать нам несколько вопросов, не более. Получив ответы, он отпустит нас.

Один из охранников медленно обернулся к женщине и, окинув её презрительным взглядом, усмехнулся.

Сердце молодой женщины болезненно сжалось, несмотря на попытку сохранить напускное спокойствие. Эта ухмылка и зловещее молчание сопровождавших не предвещали ничего хорошего. Её томило страшное предчувствие с самых первых минут появления на выставке вооружённых людей с каменными лицами. Она вспомнила, какой переполох они вызвали своим появлением. Женская интуиция подсказывала ей, что дело не ограничится одной беседой. Она взглянула на мужа, и её глаза наполнились слезами. Екатерина внезапно осознала, что их жизнь уже не будет прежней.

«Но за что? – в который раз терзалась жена художника, гадая о причине ареста. – Я не понимаю... Может, Аркадий был с кем-то резок и на него донесли, чтобы свести счёты? В последнее время он такой раздражительный, постоянно с кем-то ссорится, доказывает свою правоту. Сколько раз я предупреждала его, что его прямолинейность и бескомпромиссность не доведут до добра. Но он считал, что его авторитет и покровители из ЦИК защитят его от недоброжелателей. Увы, нет. Сейчас каждый за себя».

А тем временем машина резко затормозила. Дверь распахнулась, и в проёме возник силуэт офицера.

– На выход! – прозвучала отрывистая команда.

– Нельзя ли немного повежливее? – запротестовал художник, когда один из охранников бесцеремонно толкнул его в спину. – Я – гражданин Союза Советских Социалистических Республик, и у меня, согласно Конституции 1936 года, есть права.

– Ваши права вам зачитают чуть позже, – процедил старший конвоир.

Дождавшись, когда Екатерина выйдет из машины, он продолжил насмешливым тоном, театрально растягивая слова:

– А теперь пусть ваша богемная персона и ваша дамочка будут так любезны проследовать за мной. Если, конечно, это будет вам угодно.

– Каков паяц, – пробормотал Аркадий, окидывая взглядом массивное здание, возле которого их высадили. – Паяц и нахал!

Двухэтажное здание страхового общества «Россия» на Лубянке было передано органам госбезопасности почти сразу после Октябрьской революции 1917 года. Изначально выстроенное в стиле неоклассицизма, к 1936 году зловещее сооружение претерпело ряд изменений, постепенно приобретая всё более монументальный и строгий облик, отражающий дух эпохи. Были надстроены ещё четыре этажа с гладкими стенами и узкими окнами. Именно там устроили устрашающую главную тюрьму, из которой не было совершено ни одного побега за всю историю.

– Аркадий, – прошептала до смерти перепуганная Екатерина на ухо супругу, – я знаю, ты тоже нервничаешь, иначе был бы сдержаннее. Но сейчас я прошу тебя взять себя в руки и хоть чуть-чуть помолчать. Нам не нужны лишние неприятности.

– Прости, дорогая. – Голос мужа дрогнул. – Я вправду очень беспокоюсь... за тебя!

– Всё будет хорошо, – ободряюще пожав его руку, ответила Катя и грустно улыбнулась.

– Разговорчики! – прикрикнул офицер, сурово оглядывая арестованных. Он указал на массивную дверь и жестом приказал двигаться.

Один из охранников грубо подтолкнул Герасимова в спину, направляя ко входу. Художник было готов опять возмутиться, но молящий взгляд, в котором он прочитал, что сопротивление бесполезно, охладил его пыл. Понутив голову, мужчина пересилил себя и начал двигаться. За ним проследовала и Екатерина, стараясь всем видом не выдать затаённый страх. Каждый шаг приближал их к внутренней тюрьме, где начиная с 1920 года под стражей содержались наиболее опасные контрреволюционеры и шпионы, пока велось следствие по их делам. Тюрьму на Лубянке использовали и тогда, когда в силу «известных причин» необходимо было совершенно отрезать арестованного от внешнего мира, скрывая его местопребывание и лишая возможности связаться с кем-либо на воле или совершить побег.

Очувтившись во внутреннем дворе, муж и жена невольно поёжились. От каждого движения щемило в груди, но они продолжали шагать к неведомому будущему, подгоняемые неясным страхом. «Что же уготовила нам судьба? – не переставал спрашивать себя художник. – Неизбежный конец или проблеск надежды на освобождение?»

Мрачное здание внутренней тюрьмы взмывало ввысь и оканчивалось прямоугольником неба, где мерцали первые одинокие звёзды. «Увидим ли мы ещё их?» – промелькнуло в голове Екатерины, тщетно пытавшейся унять мелкую дрожь. Пугающие мысли не давали ей покоя, заставляя холодеть от страха за себя и мужа. Первая волна репрессий уже прокатилась по стране, и любой мог стать жертвой наветов и сгинуть в жерновах государственной машины. Зловещие слухи, расплзавшиеся по Москве, множились с каждым днём, наводя ужас на граждан. Одни шёпотом рассказывали о тайной кутузке, расположенной во внутреннем дворе дома № 2 на Лубянке – месте, куда легко было попасть, но практически невозможно выбраться. Другие говорили о психологическом давлении, или, как потом прозвали его, СУП¹⁴, выдержать которое не мог даже самый сильный духом человек. Подтвердить или опровергнуть данные сведения было некому: люди отправлялись в Лефортовскую тюрьму¹⁵, оставляя близких и родных в мучительном неведении.

– Как здесь тихо, – прошептал Аркадий, оглядываясь по сторонам. – Трудно поверить, что мы находимся в самом центре столицы.

– Да, ты прав. Я тоже не слышу ни гула голосов, ни шума машин. И от этой тишины мурашки бегут по коже.

¹⁴ Система угнетения психики.

¹⁵ Отметка в Учётном журнале об убытии арестанта в Лефортовскую тюрьму означала расстрел.

– Всё будет хорошо, дорогая, – слегка сжав руку супруги, сказал художник. – Нам зададут несколько вопросов и тут же отпустят. Я нисколько не сомневаюсь в этом. Мы же ни в чём не виноваты.

«Сколько вот таких же наивных людей видели эти стены? – с горькой усмешкой подумала Екатерина, которая не разделяла его оптимизма. – Наверняка они говорили то же самое. Опровергнуть клевету ох как нелегко».

А тем временем они подошли ещё к одной тяжёлой дубовой двери. Войдя внутрь, арестованные очутились в небольшой парадной.

– Шагайте! – громко скомандовал офицер и двинулся к полутёмной лестнице.

– На какой этаж нам нужно подняться? – спросила Екатерина.

Сопровождающий резко обернулся и, подойдя к ней вплотную, ехидно поинтересовался:

– Мадам не привыкла ходить пешком? Извините, прислуги не держим. Придётся самой топтать... ножками. Ясно?

– Я волнуюсь не о себе, а о муже. В 1918 году, во время Гражданской войны, он сражался в рядах Красной армии против войск Колчака и был тяжело ранен, – с достоинством произнесла женщина, возмущённая наглостью военного. – У него до сих пор в сердечной сумке пуля.

– Нам нужно на шестой этаж... вниз, – нехотя отозвался сопровождающий, бросив взгляд на художника. – Там вас уже ждёт следователь.

– Хорошо, – кивнула женщина, – если вниз, то тогда он справится. Только не торопите нас.

– А вы считаете, что у меня есть время и желание возиться с вами? – злобно уставившись на арестованную, заявил офицер.

– Мы не будем торопиться, – твёрдо произнесла Екатерина и гордо вскинула голову.

Сопровождающий окинул бесцеремонным и недобрый взглядом подтянутую, со вкусом одетую строгую женщину, в которой чувствовалась незаурядная сила духа. «Хм... крепкая дамочка, – мелькнула у него мысль. – Мужёнок-то пожиже будет, хоть и выглядит солидным. Интересно, надолго ли? Именно такие быстрее всего раскисают. Сначала что-то строят из себя, а потом даже смотреть противно – один кисель».

– Ладно, – буркнул он наконец и, отвернувшись, зашагал к лестнице.

– Зачем проём посередине, между лестничными пролётами, затянута провололочной сеткой? – шёпотом спросила Екатерина.

– Вероятно, чтобы предотвратить попытки суицида, – так же тихо ответил ей муж. – Там внизу, насколько я мог разглядеть, бетонный пол, поэтому возможности выжить нет.

Спускаясь всё ниже и ниже по плохо освещённой лестнице, арестованные погружались в мрачные глубины тюремного подземелья, или «нутрянки»¹⁶, из которого, по слухам, ещё никому не удавалось сбежать и лишь немногие возвращались домой, сломленные морально и разрушенные физически.

Спустившись на шестой этаж, арестованные оказались в подвальном помещении. Полумрак скрывал очертания стен, поросших грибком от постоянной сырости. Единственным источником света служили тусклые лампы накаливания, висящие под потолком и отбрасывающие зловещие тени. Воздух был спёртым и затхлым, пропитанным запахом плесени, грязного белья и кислых щей.

Вдоль стен тянулся ряд дверей, ведущих в камеры, где томились осуждённые, ожидая своей участи. Стояла гнетущая тишина, нарушаемая лишь гулками шагами людей, идущих по коридору.

– Ты заметила, что номера камерам присваивают не по порядку, а вразнобой? – спросила Катя. – Как ты думаешь, почему?

¹⁶ Секретная внутренняя тюрьма Лубянки.

– Наверное, для того, чтобы заключённые не могли узнать количество арестованных или сориентироваться в расположении камер в здании.

Неожиданно тишину прорезал громкий крик, полный ужаса, боли и отчаяния, донёсшийся из камеры в конце коридора. Затем послышались глухие удары, звуки падающего тела. Потом снова крики и снова удары.

Сердца Екатерины и Аркадия бешено заколотились. До этой минуты они надеялись, что это всего лишь кошмар, порождённый усталостью и напряжением последних месяцев. Но, услышав эти душераздирающие крики, которые раз за разом становились всё более пронзительными и отчаянными, они осознали весь ужас происходящего.

– Лицом к стене! – рявкнул офицер задержанным.

Затем, подойдя к одной из камер и открыв дверь, вошёл внутрь:

– Товарищ капитан государственной безопасности, разрешите доложить: арестованные доставлены!

Глава 6

Декабрь, 1936 год

Принстон, штат Нью-Джерси

Конец декабря. Несмотря на глобальную напряжённость, связанную с политической обстановкой, жизнь в Принстоне текла своим чередом, спокойно и размеренно. Жители города, охваченные предпраздничным весельем, радостно участвовали в торжествах и готовились встретить Рождество и Новый год. И лишь в доме профессора Феллера не было места веселью – там властвовала тяжёлая меланхолия. Она, словно вековой лёд, сковала душу хозяина, чей выдающийся ум, прежде поражавший окружающих остротой и глубиной, теперь казался потускневшим под тяжестью несчастья. Артур почти не покидал свою комнату, не принимал визитёров, отказывался от предстоящих лекций и выступлений, не читал присланную корреспонденцию и совсем не интересовался новостями. Дни напролёт он проводил в любимом кресле жены, устремив невидящий взгляд в морозное зимнее небо.

– Артур, можно войти? – За спиной профессора скрипнула дверь.

На пороге возник его личный врач, герр Крамер, как всегда гладко выбритый и безукоризненно одетый.

– А, это вы... Признаться, не припомню, чтобы я просил мисс Ким вас вызывать, – равнодушно поглядев на него, вместо ответа произнёс Феллер. – Впрочем, заходите, раз уж пришли. Правда, я сейчас не самый приятный собеседник... Проходили мимо и решили навестить старика? Убедиться, жив ли я?

– Нет, Артур, – ответил доктор, присаживаясь рядом с профессором на стул. – Я пришёл по просьбе мисс Ким.

– Вечно Марта лезет не в своё дело, – раздражённо проворчал Феллер. – Иногда мне кажется, что Мэнди была права: я слишком распустил мою секретаршу и многое позволил ей... И что она наговорила про меня?

– Ничего такого, чего бы вам стоило стыдиться, – слегка улыбнулся Лайонел Крамер. – Она лишь беспокоится о вашем здоровье и душевном состоянии. И, глядя на вас, я разделяю её тревоги.

– Неужели? – Феллер бросил на доктора негодующий взгляд. – И что со мной не так?

– Вы хотите услышать ответ от врача или от вашего друга?

– От друга, разумеется.

– Если от друга, Артур, то тогда признаюсь: вы выглядите отвратительно. Вы осунулись, похудели, стали неопрятны, в движениях сквозит апатия. Ваши глаза потухли, а блестящий ум, некогда поразивший весь учёный мир, превратившись в желе, утратил способность генерировать новые идеи.

– Что?! – вскричал Артур, резко вскочив с кресла. – Как вы смеете такое говорить? Да ещё никогда мозг профессора Феллера не работал так безупречно, как сейчас. Однообразие спокойной жизни стимулирует творческий ум.

– Неужели? Сидя в этом кресле, вы совершили новое открытие, способное перевернуть мир? – продолжал спокойным голосом доктор, ничуть не испугавшись вспышки гнева учёного.

– Вы... вы... да вы... Да кто дал вам право судить обо мне и моей работе? Кто дал право мисс Ким совать свой длинный нос куда не следует? И вообще, чего вы все от меня хотите? До смерти надоели ваши глупые советы, ваша навязчивая опека и... и...

Взрыв ярости захлестнул профессора. Засунув руки в карманы, Артур принялся мерить шагами комнату, не в силах более сдерживать бушующие эмоции. Доктор Крамер молча наблюдал за каждым шагом пациента, о котором знал практически всё: гениальный учёный со мно-

жеством странностей и недостатков, но в то же время – выдающийся гуманист, обладающий широким кругозором и глубиной мышления. Вспышки гнева многие его друзья и коллеги списывали на сложный характер, считая их неизбежным следствием гениальности и глубокой погружённости в научные изыскания.

Когда буря негодования начала стихать, учёный вернулся на место и, тяжело опустившись в кресло, вновь уставился в окно.

– Вы, должно быть, ненавидите меня, Лайонел, – наконец прервал затянувшееся молчание Феллер. – Признаюсь, я отвратительный друг. Многие считают меня странным, эксцентричным человеком. Шепчутся за моей спиной, смеются, когда я отворачиваюсь.

– Мне кажется, вы преувеличиваете, – похлопав по руке друга, ответил доктор. – Поверьте, все признают ваш выдающийся талант и считают неординарным человеком.

– Скорее психом.

– Нет, Артур, я не имел в виду ничего подобного. Вы смелый человек, ибо отстаивать свою точку зрения в наше беспокойное время сродни героизму.

– Вы о моей помощи евреям в Европе?

– И об этом тоже. Вы – пацифист, глубоко убеждённый в своей правоте, и самоотверженно боретесь за свои идеи. Вряд ли человек с психическим расстройством был бы способен на столь здравые мысли.

Комната погрузилась в тяжёлую тишину. Лишь размеренное тиканье часов с кукушкой, привезённых профессором из Германии, нарушало гнетущее молчание.

– Лайонел, я не знаю, что мне делать. Мне очень не хватает её, – внезапно произнёс Артур, в его голосе звучало отчаяние. – Я как будто бреду в кромешной тьме. Под ногами – выжженная земля, в воздухе запах тлена. Я... я потерял себя. Ничто не приносит радости. Я пытался работать, но никак не могу сосредоточиться. Мой мир рухнул в ту минуту, когда я осознал, что Ленни больше нет... Господи, как я же виноват перед ней! Только сейчас я понял, каким был эгоистом, как подло поступал с ней, завязывая на стороне мимолётные романы. Сколько же я лгал ей... Мне стыдно. Мне впервые в жизни по-настоящему стыдно, мой друг. – Артур закрыл руками лицо.

– Вот теперь я вижу, что вы пошли на поправку, точнее, вы исцеляетесь, – с мягкой улыбкой проговорил доктор. – Ибо ошибки – это неотъемлемая часть жизни, и из них нужно извлекать уроки. Но лишь мудрый человек способен честно оценивать собственные действия и признавать собственные несовершенства.

– Значит...

– Значит, вам, мой друг, пора отбросить хандру и вернуться к работе. Только так вы сможете избавиться от уныния. У меня есть одно предложение... И сейчас я с вами разговариваю не как друг, а как врач. Вам совершенно необходимо на несколько дней съездить куда-нибудь на отдых, сменить обстановку. Помните, вы настойчиво предлагали поездку в Сент-Огастин?

– Да-да, я помню наш разговор... В этот день умерла Элеонор, – помрачнел профессор.

– Я предлагаю поехать вам вместе со мной и Бертой в Поконо¹⁷. Он не так живописен, как Сент-Огастин, но городок славится своей холмистой местностью, лесами, заснеженными долинами и замёрзшими водопадами. Всё как вы любите: уединение и тишина.

– Это просьба?

– Это настоятельная рекомендация, Артур. К тому же я пропишу вам барбитураты для полного восстановления нервной системы. Берта сможет колоть вас... Можно, разумеется, перорально, но я считаю, что для достижения быстрого эффекта лучше делать инъекции... Итак, что скажете?

¹⁷ Поконо – тауншип в округе Монро, Пенсильвания (США). Был создан как отдельный населённый пункт в ноябре 1816 года. Сейчас это горнолыжный курорт.

Артур погрузился в размышления. С одной стороны, он давно уже чувствовал потребность в смене обстановки, но, с другой стороны, его пугали сборы и дорога. Это была бы первая поездка без всевидящего взгляда Ленни, контролирующего всё и вся.

– Возьмите с собой мисс Ким, – словно прочитав его мысли, сказал герр Крамер. – Она поможет организовать ваш быт и позаботится о вашем комфорте.

– Договорились! – внезапно выпалил профессор. – Едем!

– Превосходно! Тогда, если вы не возражаете, Берта уже сегодня приступит к своим обязанностям.

– Хорошо, – согласился учёный.

– Мисс Ким... Мисс Ким! – громко позвал помощницу доктор Крамер.

Дверь отворилась, и на пороге появилась Марта Ким, одетая в неизменный безупречный серый костюм строгого покроя и белоснежную блузку. На её лишённом эмоций лице застыла маска профессиональной сосредоточенности, выработанная за годы безупречной службы.

– Слушаю вас, сэр, – холодно произнесла она.

– Позовите, пожалуйста, мою ассистентку. Мистеру Феллеру необходимо сделать укол.

– Вы плохо себя чувствуете, сэр? – Тень озабоченности легла на её лицо.

– Не волнуйтесь, мисс Ким, – ответил за профессора доктор Крамер. – Хотя я признателен вам за бдительность. Если бы не ваша наблюдательность, то мистеру Феллеру и в самом деле понадобилось бы серьёзное лечение.

– Благодарю вас, сэр! – зарделась Марта.

– А вот я буду вас ругать, – погрозил ей пальцем Артур. – Как вы посмели без спроса!

– Но... мистер Феллер...

– Всё хорошо, мисс Ким, он просто шутит... Будьте любезны, попросите сюда мисс Рут. Спасибо!

Покинув комнату профессора, Марта направилась в гостиную, где оставила ассистентку доктора Крамера. Несмотря на давнее знакомство с девушкой, мисс Ким испытывала к ней неподдельную неприязнь, вызванную её живым характером и весёлым нравом. «Вздорная, ветреная девица, – таков был вердикт при первой встрече. – Недалёкая и совершенно пустая».

Её мнение не изменилось даже после того, как Берта проявила себя как настоящий профессионал, ухаживая за больной миссис Феллер, делая ей уколы и ставя капельницы. Не зря же говорят, что нельзя второй раз произвести первое впечатление.

Войдя в гостиную, мисс Ким окинула комнату удивлённым взглядом. Ещё десять минут назад эта особа сидела на диване и пила чай, болтая без умолку о каких-то пустяках. «Странно, – подумала про себя Марта. – Куда могла подеваться вертихвостка?»

Покинув комнату, помощница профессора прошла вдоль коридора и направилась на кухню, здраво рассудив, что Берта, вероятно, решила налить себе ещё чаю.

– Какая бесцеремонность, – пробормотала Марта. – В жизни не встречала столь наглых девиц. Совсем совесть потеряли: ходят по чужому дому, как у себя.

Проходя мимо кабинета профессора, она увидела, что дверь слегка приоткрыта. «Странно, я точно помню, что закрывала её, – пронеслось у неё в голове». Не колеблясь ни секунды, мисс Ким решительно распахнула дверь:

– Что вы тут делаете, фройляйн Рут?

Глава 7

Декабрь, 1936 год
Москва
Гоголевский бул., д. 18

Артур Христианович Артузов, погружённый в глубокие раздумья, не мигая смотрел на стоящий перед ним телефонный аппарат. Минуло уже больше двух суток с того времени, как он впервые за все годы безупречной службы пренебрёг указаниями вышестоящего начальника, приказав своему доверенному лицу и товарищу, с которым они прошли вместе огонь, воду и медные трубы, найти подходящих людей для выполнения секретной оперативной работы. С каждой уходящей минутой его волнение возрастало, ибо он понимал, что любая оплошность в этом щекотливом деле может стоить ему не только карьеры, но и жизни.

Мучительные сомнения в правильности принятого решения начали терзать корпусного комиссара. «А что, если товарищ Урицкий прав? И разработка принципиально нового оружия – лишь плод моего воображения? – спрашивал он себя. – Как же поступить? Рискнуть или же неукоснительно следовать предписаниям устава? Вот задачка. Когда мы работали под началом товарища Дзержинского, то тогда иногда могли действовать самостоятельно, так как Феликс Эдмундович предоставлял нам широкую инициативу. Он понимал, что в оперативной работе может сложиться ситуация, когда ты должен мгновенно не только принимать решения, но и действовать. Сейчас стало гораздо сложнее».

Взглянув на настенные часы, Артузов машинально потянулся за верхним листом из внушительной стопки нерешённых дел и, скользнув по нему взглядом, с досадой отбросил обратно на стол. Нет, как он может заниматься второстепенными вопросами, когда судьба важнейшего для него дела остаётся в неопределённости?

Внезапно раздался стук в дверь.

– Войдите! – раздражённо сказал он.

– Разрешите войти, товарищ Артузов!

На пороге возник, как всегда, невозмутимый дивизионный комиссар Александр Николаевич Никоненко.

– Тебя только за смертью посылать, – проворчал Артузов, указав на стул возле стола. – Прошло почти трое суток.

– Так и задание не самое простое, Артур Христианович, – отозвался Никоненко, присаживаясь. – Вы же сами подчеркнули: строжайшая секретность. Потому-то и пришлось всё делать самому, чтобы не посвящать посторонних в суть нашего дела.

– Давай без лишних предисловий, – глядя на товарища исподлобья, произнёс Артузов. – Тебе удалось найти таких людей, способных исполнить задание, не вызвав ни малейшего подозрения? Ты же понимаешь последствия нашего самовольства.

– А когда было легко, Артур Христианович? Когда вы были резакom, а я сидел под корягой?¹⁸ Или операция «Трест»¹⁹, или «Синдикат-2»? Мы не чета нынешнему поколению: закалены трудностями и не страшимся опасности.

¹⁸ Резак – глава резидентуры, «сидеть под корягой» – работать под прикрытием.

¹⁹ Созданное в 1921 году ГПУ «Монархическое объединение Центральной России» (МОЦР) для внедрения в высокие политические круги белой эмиграции и в значительной степени её контроля.

– В этом ты прав. Сейчас стажёры²⁰ уже не те, зачастую многие движимы корыстью, а не идеей, – согласился с ним корпусной комиссар. – Ладно, хватит о прошлом, вернёмся к делу... Выкладывай, что у тебя? Ты нашёл подходящих кандидатов на роль приманки?

– Нашёл, – подтвердил Никоненко. – И я полностью уверен, что эта семейная пара, прожившая в США несколько лет, не привлечёт ненужного внимания и не вызовет подозрений.

– Хм... заинтриговал, – проговорил товарищ Артузов, откинувшись на стуле. – Кто они? Род занятий? Сколько лет провели в Штатах?

– Полагаю, вы когда-то слышали о них: это Аркадий Петрович и Екатерина Максимовна Герасимовы. Он – известный художник, она – его помощница и переводчица. В 1925 году его работы произвели фурор на выставке в Нью-Йорке. Герасимов получил выгодный заказ и остался на пять лет в Штатах. По возвращении он продолжил свою деятельность на родине. Сегодня открылась выставка его работ в Москве.

– А не пытались ли установить с ним контакт наши службы или разведки других стран?

– Насколько мне удалось выяснить, они совершенно чисты. Не были замечены ни в качестве временных помощников²¹, ни в какой-то иной деятельности, которая могла бы указывать на разработку спецслужбами Англии, США или Германии.

– И вот это странно, согласись? Что-то не вяжется... Я не верю в безупречную честность человеческой природы. Наши точно бы не упустили такую возможность.

– Творческие люди – народ со странностями, – пожал плечами дивизионный комиссар. – Моя матушка говорила, что они блаженные и живут в каком-то только им понятном мире.

– В чём-то я согласен с ней, – усмехнулся Артузов. – Мне приходилось иметь дело с людьми из артистической среды и даже вербовать их... Ненадёжные люди, хотя попадались и незаурядные личности. С живописцами пока не довелось общаться. Расскажи-ка мне о Герасимове подробнее. Посмотрим, годится ли он для такого деликатного поручения.

Товарищ Никоненко открыл папку и, достав из неё несколько листов, протянул их Артузову.

– Здесь вся информация, Артур Христианович, которую мне удалось собрать за двое суток, – пояснил дивизионный комиссар. – Данные неполные, но это пока всё, что мне удалось раздобыть.

Товарищ Артузов взял документ и углубился в чтение. Это было личное дело товарища Герасимова, начиная с рождения и до настоящего времени, с характеристиками и соответствующими заключениями.

– Итак... Аркадий Петрович Герасимов родился в 1897 году в станице на Кубани... Так-так. Отец – земский врач, мать – учительница... Сестра и брат умерли в младенчестве. Понятно... В семь лет родители привезли его в Москву, где он окончил художественную школу № 1, а затем поступил в Высшее художественное училище при Императорской Академии художеств. В 1918 году сражался на Восточном фронте против Колчака, был серьёзно ранен... А вот это уже нехорошо. Стало быть, проблемы со здоровьем. Плохо... очень плохо... Ладно, что там дальше? В 1921 году женился на Екатерине Максимовне Гордон, дочери бывших владельцев гостиницы в Петрограде. Потом был ВХУТЕМАС, где его талант заметили. В 1923 году – первая поездка за границу, во время которой получил большой заказ: написать портреты профессоров Принстонского университета... Постой-постой! Не в этом ли городе сейчас работает профессор Феллер? Если я не ошибаюсь, то в Институте перспективных исследований, а в университете иногда читает лекции. Значит...

– Вы уловили мою мысль. – Лёгкая улыбка скользнула по лицу товарища Никоненко. – Вот почему я ухватился за эту идею. Если мы вновь организуем выставку этого художника, а

²⁰ Агенты.

²¹ Лицо, привлекаемое лишь раз или время от времени к участию в разведывательной операции.

затем направим письмо руководству университета с предложением заказать портрет выдающегося учёного, работающего у них сейчас в Принстоне, это не вызовет у американцев никаких подозрений.

– Неплохая идея, – задумчиво проговорил Артузов. – Но справится ли он? Насколько он благонадёжен?

– Я получил о товарище Герасимове только положительные характеристики: умён, начитан, с широким кругозором, знает два языка.

– Ты же понимаешь, Александр Николаевич, что у разведчика должны быть не только перечисленные тобой качества. Прежде всего он должен быть сдержанным, невозмутимым, быстро принимать решения, внимательным и расчётливым. Кто знает, обладает ли товарищ Герасимов этими достоинствами? Не забывай: он из творческой, так называемой старой интеллигенции. И весь вопрос в том, будет ли он служить делу социализма по велению сердца, а не из страха?.. А что известно о его жене? Кто она, чем занимается, каково её происхождение?

Никоненко открыл папку и извлёк из неё вторую – с личным делом Екатерины Максимовны Герасимовой. Затем он протянул её корпусному комиссару:

– Вот, пожалуйста!

– Что ж... посмотрим, что тут у нас, – пробормотал Артузов, впиваясь глазами в текст. – Родилась в 1900 году в Велиже... родители – обедневшие дворяне. В 1907 году переехали в Санкт-Петербург, где обзавелись гостиницей... Весьма смелое решение, нетипичное для этого сословия. Хотя соглашусь, что дворяне, ведавшие своими имениями, вполне могли обладать навыками управления... Так, что дальше... Окончила гимназию, работала машинисткой до декабря 1917 года в типографии «Новое время». Понятно... Осенью 1919 от сыпного тифа скончались её родители и братья. В июне 1921 года вышла замуж за будущего художника Герасимова...

Он бегло пересмотрел ещё несколько листов:

– Судя по характеристикам, она миловидна, умна, решительна, умеет расположить к себе людей, говорит на трёх языках, начитана и... А вот это может пригодиться – увлекается фотографией... Кстати, интересно, чем же занималась товарищ Герасимова в период с декабря семнадцатого до июня 1921 года? И где юная Катя могла познакомиться с будущим супругом-художником?

– На эти вопросы, полагаю, они ответят сами, так как должны прибыть сюда с минуты на минуту, Артур Христианович.

– Ты уже вызвал их сюда? – Артузов удивлённо уставился на товарища. – Не поторопился ли? Я же ещё не дал окончательного согласия.

– Вы отдали приказ действовать незамедлительно... или я неправильно истолковал ваш приказ?

– Ты всё сделал правильно. Если они не подойдут на эту роль, то у нас ещё останется время для поиска других кандидатур.

Стук в дверь прервал разговор двух разведчиков.

– Войдите!

– Товарищ Артузов! Разрешите обратиться к дивизионному комиссару, – отчеканил молодой военный, войдя в кабинет заместителя начальника военной разведки.

– Разрешаю! – ответил Артур Христианович, предчувствуя недоброе.

– Товарищ Никоненко, вам просили передать. Сказали – срочно.

Взяв конверт, Александр Николаевич вскрыл его и, прочитав содержимое, растерянно посмотрел на корпусного комиссара.

– Что случилось? – помрачнел тот, догадавшись, что стряслось нечто из ряда вон выходящее.

– Они арестованы, товарищ Артузов.

- Кто арестован? – переспросил разведчик.
- Товарищ Герасимов с супругой, – протягивая телеграмму начальнику, ответил Нико-
ненко. – Их подозревают в шпионаже.

Глава 8

Декабрь, 1936 год

Москва

ул. Большая Лубянка, д. 2

Шёл восьмой час допроса, казавшийся арестованным нескончаемой пыткой. Менялись следователи, каждый с непроницаемым лицом, но вопросы, словно заезженная пластинка, оставались прежними: кому принадлежало тело, обнаруженное вами возле Петропавловской крепости? Были ли вы знакомы с потерпевшим? При каких обстоятельствах вы оказались именно в том месте, где был обнаружен труп предателя? Что ещё было написано на песке? Как выглядел труп и были ли возле него какие-нибудь следы? И, наконец, все ли документы они передали в ВЧК?

– Ну сколько раз можно повторять: мы не знали этого человека и никогда не встречались с ним! – выкрикнул Аркадий после очередного вопроса, с ненавистью уставившись покрасневшими от яркого света и едкого папиросного дыма глазами на сидевшего с невозмутимым видом следователя. – Это совершенно посторонний человек, на бездыханное тело которого мы случайно натолкнулись, гуляя вдоль крепости. Точнее, сначала мы услышали протяжный вой собаки, он-то и заставил нас выяснить, что же случилось.

– Случайно, – ехидно повторил следователь, не слушая объяснений арестованного. – Я верю вам, товарищ Герасимов, безусловно. А как иначе? Вы неспешно прогуливались со своей будущей женой в полпятого утра и невзначай увидели на берегу тело. Вы подошли к нему, убедились, что он мёртв, забрали документы, обнаруженные в пальто, и сразу же направились в ПЧК²². Написали заявление, отдали бумаги – и всё. Я правильно понял вас?

– Всё так и было, – подтвердил уставший Аркадий. Он покосился на жену, сидевшую рядом в оцепенении уже несколько часов. – Пожалуйста, отпустите мою жену. Я сам отвечу на все интересующие вас вопросы. Но она вряд ли чем-то поможет в этом деле. Разве вы не видите, что она устала, ей нужно отдохнуть? У нас накануне выставки был весьма напряжённый день.

– Вы издеваетесь надо мной? – рявкнул следователь, не обращая внимания на слова художника. – Просто гуляли? Просто наткнулись? Кого вы хотите обмануть?

– Никого, – развёл руками художник. – Я рассказываю вам, как было дело. Вы же добиваетесь правды? Я и...

– Как удачно вы выбрали место для прогулки, – язвительным тоном продолжил следователь. – Вот только мне кажется, вы знали, куда идти... Кто вас послал? Отвечайте! Кому вы должны были передать документы? Или это вы убили того человека, чтобы замести следы? Признавайтесь!

– Что за абсурд! Это просто какая-то бессмыслица. Нам не в чем признаваться! – воскликнул Аркадий Петрович в отчаянии. – Ну подумайте сами, зачем нам тогда было идти в ПЧК и приносить документы? Включите же уже логику!

– Возможно, вас спугнули или вы заметили топтуна²³.

– Кого-кого?

– Обнаружили слежку. Хитрости вам не занимать. Прикидываетесь тут невинной овечкой, чтобы спасти свою шкуру и жизнь своей бабы.

– Я бы попросил не оскорблять мою жену! – вскочив со стула, протестовал Герасимов.

²² Петроградская чрезвычайная комиссия. ПЧК была образована при Петросовете 12 марта 1918 года в связи с отъездом ВЧК в Москву. Размещалась на Гороховой улице, дом 2.

²³ Наружная слежка.

– А то что? – с угрозой в голосе спросил следователь.

Он медленно встал из-за стола и приблизился к Аркадию. Подойдя к нему вплотную, капитан выпустил папиросный дым прямо в лицо художнику, из-за чего тот закашлялся.

– Слушай, ты, контра недорезанная, да я таких, как ты, душил своими руками в восемнадцатом, а последующие года отстреливал их, как бешеных собак.

– Я тоже не на печи отлёживался, – сквозь зубы процедил Аркадий, глядя на следователя в упор. – Я уже встречал таких карьеристов, как ты, готовых продать мать родную ради повышения по службе. Это убивая и предавая своих бывших товарищей, ты дорос до капитана?

Глаза следователя налились кровью.

– Молчать! – заорал тот и, размахнувшись, со всей силой ударил Герасимова прямо в лицо.

Тот отлетел к стене и застонал.

– Аркадий! – наконец очнувшись от оцепенения, закричала женщина и, вскочив со стула, бросилась к мужу.

Достав платок из сумочки, она осторожно вытерла кровь из разбитой губы Аркадия.

– Негодяй! – с ненавистью глядя на издевателя, отчеканила Екатерина. – Как вы смеете унижать достоинство человека? Кто дал вам право бить ни в чём не повинных людей?

– Я, гражданка Герасимова, – услышала она за спиной капитана металлический голос неслышно вошедшего человека.

Следователь вытянулся по стойке смирно:

– Здравия желаю, товарищ майор!

– Вольно, – не глядя на него, нехотя ответил военный, приблизившись к столу.

Взглянув на него, Екатерина внутренне похолодела. Перед ней стоял невзрачного вида человек невысокого роста, с маленькими колючими глазками, сверлившими её взглядом. Под его ледяной маской безразличия скрывалась угроза, которую она ощутила с первой минуты. Кто этот человек? Каковы его намерения? Как он поступит с ними? Какой отдаст приказ? Эти и другие вопросы роились у неё в голове, но не находили ответа. Екатерина попыталась унять бешено колотившееся сердце, но события последних дней и сегодняшний многочасовой допрос, а возможно, и страх не позволили ей успокоиться и собраться с мыслями.

Незнакомец тоже молчал, продолжая рассматривать женщину сквозь очки. В этой тишине казалось, что воздух, наполненный недосказанностью и угрозой, вибрирует под низким потолком кабинета.

Набравшись смелости, она попыталась заговорить с вошедшим офицером, но слова застревали в горле. Лишь после нескольких попыток ей удалось выдать тихий вопрос:

– Кто вы? И что вам нужно?

– Кто я? – спросил военный, подойдя к столу вплотную. Он взглянул с безразличным видом на протоколы допроса и, повернувшись к арестованным, продолжил: – Заместитель начальника ИНО ГУГБ НКВД²⁴ товарищ Карелин.

– Ваши следователи творят произвол! – поднимаясь с пола и поправляя одежду, произнёс Аркадий. – Мало того, что они не дают нам ни минуты отдыха, ни еды, ни питья, так ещё и подвергают физическому насилию.

– Такая уж у них работа. – Майор госбезопасности насмешливо посмотрел на художника.

– Возмутительно! Я буду жаловаться!

– Зато действительно. – Кривая улыбка сменилась хищным выражением лица. – Итак, теперь вы знаете, с кем имеете дело. Но это всё неважно. Важно лишь то, КТО скрывается под личиной талантливого художника Герасимова. И вот это я и собираюсь выяснить.

²⁴ Иностраннный отдел Главного управления государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел СССР.

– Я... я не понимаю вас, – пробормотал Аркадий, покосившись на жену. – Что вы имели в виду?

– Товарищ капитан, проводите арестованных в мой кабинет, – оставив без внимания вопрос арестованного, приказал майор.

Он многозначительно поглядел на подчинённого и, не удостоив чету Герасимовых взглядом, стремительно покинул комнату допросов.

Глава 9

Декабрь, 1936 год

Принстон, штат Нью-Джерси

В кабинете всемирно известного учёного Феллера царил напряжённая тишина, изредка нарушаемая завыванием ветра, пробиравшегося сквозь щели старых рам.

– Я задала вам вопрос, фройляйн Рут, – строго произнесла мисс Ким. – Что вы делаете в кабинете профессора?

– Уф, как вы меня напугали... Марта, – перевела дыхание ассистентка доктора. – Я уж думала, что это вошёл доктор Крамер.

– Не уходите от ответа, фройляйн.

– Да я и пытаюсь объяснить, только вы не даёте мне слова вымолвить, – непринуждённо произнесла Берта, отступив от письменного стола с листом бумаги. – Дело в том, что я по рассеянности оставила рецепт мистера Феллера в кабинете доктора Крамера. Вот и решила написать новый, для чего и пришла в кабинет профессора: чернила-то только здесь. Доктору бы осталось только подписать его. Только и всего.

– Вас не учили спрашивать разрешения, фройляйн Рут? Вы не у себя дома. И дружеское расположение профессора к вам и герру Крамеру не даёт вам права злоупотреблять гостеприимством.

– Вы совершенно правы, мисс Ким, – произнесла Берта, виновато поглядев на строгую женщину. – Но я так разволновалась, не найдя рецепта, что совсем потеряла голову. Простите, пожалуйста!.. Не сердитесь, Марта! Я не замышляла ничего плохого! Честно!.. И, прошу вас, не говорите герру Крамеру... Он будет ругать меня!

– Ну, он же всё узнает, как только ему придётся вновь подписывать рецепт, фройляйн Рут.

– Я скажу ему, что он опять забыл поставить подпись, – неопределённо пожала плечами мисс Рут. – У него сейчас такой наплыв пациентов, что такое уже случалось не раз. Собственно, из-за этой суеты и я стала чересчур рассеянной в последнее время.

Мисс Ким с плохо скрываемым отвращением окинула взглядом собеседницу.

– Не знаю, что столь почтенный доктор мог найти в вас, – с презрительной усмешкой процедила она. – Вы решительно не подходите ему. Будь я на его месте, я бы незамедлительно уволила вас. Более ненадёжного человека трудно вообразить.

– Вы не на его месте, мисс Ким, – ровным голосом, в котором не осталось и следа доброжелательности, отрезала ассистентка, – так что оставьте ваше мнение при себе.

Она молча прошла мимо помощницы профессора и скрылась в коридоре. Берта собралась уже вернуться в гостиную, но, услышав недовольный голос врача, звавшего её, поспешила на второй этаж, в спальню профессора.

– Мисс Рут, – язвительно проговорил доктор, – неужели вы уснули, милочка?! Почему мы с мистером Феллером вынуждены ждать вас?

– О, простите, простите! – сложив руки в молитвенном жесте, пролепетала Берта. – Я... я... на самом деле немного задремала, сидя в кресле возле камина. Мисс Ким приготовила такой вкусный чай с мелиссой, что мне показалось на минуту, что я дома. Матушка хлопот на кухне, откуда доносятся дразнящие ароматы рождественского штоллена, отец рубит дрова в сарае, а мои братья помогают ему... Извините меня, профессор.

Она виновато опустила взгляд.

– Вы скучаете по дому? – ласково глядя на неё, спросил Артур.

– Да, очень.

– Вот и я... очень. Кто знает, доведётся ли когда-нибудь вернуться? – с глубоким вздохом проговорил профессор.

– Не будем отчаиваться, мой друг, – ободряюще похлопав учёного по руке, проговорил доктор. – Никому не ведомо, что уготовано нам завтра. Так что будем наслаждаться настоящим... А сейчас вас ожидают процедуры, дорогой Артур. Готовьтесь!

Горы Поконо, облачённые в ослепительно-белые снежные покровы, являли собой великолепное зрелище: их пологие склоны, густо поросшие вечнозелёными хвойными лесами, создавали живописный контраст с вершинами. А на рассвете и закате, когда лучи солнца окрашивали снега в нежные оттенки розового и золотого, они выглядели и вовсе завораживающе.

Озёра и реки Поконо, известные своей красотой летом, зимой превращались в подобие ледяных зеркал. Толстый лёд покрывал водную гладь, отражая небо и окружающие пейзажи. Иногда можно было увидеть смельчаков, катающихся на коньках по замёрзшим озёрам, или рыбаков, пробивающих лунки для подлёдной ловли.

Небольшая деревушка, где остановился профессор, приехавший в сопровождении помощницы, доктора и его ассистентки, была окутана атмосферой уюта и тишины. Дома, укрытые снегом, дымящиеся трубы, тёплый свет, льющийся из окон, – всё это создавало ощущение домашнего тепла и гостеприимства. Ограды и заборы тоже приобрели причудливые формы под шапками снега. Словом, это было именно то место, о котором так давно мечтал Артур Феллер. Проводя вечера у камина за чтением книг или гуляя по заснеженному лесу, он наконец-то смог отрешиться от городской суеты и обрести долгожданный покой и умиротворение, наслаждаясь красотой зимней природы.

– Любуется белоснежными просторами, Артур? – раздался за спиной учёного голос доктора. – Да... я люблю эти места. Тёмные силуэты вечнозелёных деревьев и белый снег... Чудо, что за контраст! А ветки лиственных деревьев, сплетаясь, словно кружево, тянутся к небу. Волшебное зрелище!

– Вы романтик, Лайонел, – тихо засмеялся профессор. – Присаживайтесь! Сейчас я попрошу принести плед и горячий чай.

– Благодарю!.. Я заметил, утром вы куда-то уходили.

– Да, решил прогуляться по лесу. Вчера шёл сильный снег, поэтому мне захотелось подышать морозным воздухом, а заодно и насладиться зимним лесом. Я давно уже не видел, как тяжёлые шапки снега свисают с ветвей, преображая деревья в фантастические силуэты. Ленни так этого и не увидела...

– Но тем не менее она была счастливым человеком.

– Вы так думаете?

– Уверен, Артур. Элеанор находилась рядом с тем, кого она горячо любила. Разве это не счастье?

– Да, возможно... вот только я не отвечал ей взаимностью, ибо моя истинная любовь, мой друг, – это наука. Только ей я готов отдать без остатка и служить верой и правдой.

– Насколько я помню, вы влюблялись, и не раз, – улыбнулся доктор, знавший друга много лет. – Не вы ли мне рассказывали о высоких чувствах... да хотя бы год назад, когда вы увлеклись вашей студенткой?

– Ах, – отмахнулся учёный, – не говорите ерунды. Привлекательное личико может разбудить во мне мужчину, но оно не способно заставить моё сердце биться чаще. Только наука, мой друг, только она моя ИСТИННАЯ любовь... Ну, вот посмотрите... Нас разглядывает весьма очаровательная женщина, причём уже больше пятнадцати минут. Соглашусь, она недурна. Но... эта незнакомка не пробуждает во мне ровным счётом ничего. У меня нет желания даже знакомиться с ней.

– А вот у неё явно намерение познакомиться поближе, Артур, – засмеялся Крамер, заметив, что дама поднялась и направилась в их сторону.

– Чёрт бы её побрал, – помрачнев, пробормотал учёный. – Что ей нужно?

– Простите, что нарушаю вашу беседу, – мелодичным голосом проговорила женщина. – Но... я не ошиблась, вы же профессор Феллер? Не правда ли?

Учёный, нахмурившись, лишь кивнул. Он молча указал на деревянный шезлонг, стоящий рядом.

– О, я так рада встретить вас здесь, – с энтузиазмом произнесла незнакомка, усаживаясь. – Кто бы мог подумать, что всемирно известный учёный захочет поселиться в этой глуши.

– Даже знаменитостям иногда нужен покой, миссис...

– Мисс Райт. Ребекка Райт, мистер Феллер. Хотя можете называть меня просто Ребекка... А вы? – обратилась она к доктору. – Могу ли я узнать, с кем имею честь беседовать?

– Меня зовут Лайонел Крамер. Я друг и личный врач мистера Феллера.

– О, я так рада знакомству. Для вас я тоже... просто Ребекка.

– Мисс Райт, – недовольно заметил профессор, прервав её, – простите, что перебиваю вас, но позвольте напомнить, что и учёные, и писатели, и другие известные люди нуждаются время от времени в покое и ОДИНОЧЕСТВЕ. Именно поэтому я и выбрал Поконо, где зимой царит особенная тишина.

– О, вы совершенно правы! – воскликнула Ребекка, не уловив намёка профессора. – Зимой здесь просто чудесно! Снег поглощает звуки, создаёт ощущение умиротворения и спокойствия. Слышно лишь потрескивание дров в печи и тихий шелест ветра... Я и не подозревала, что учёные могут быть такими романтичными.

– Всё, я сдаюсь, – пробормотал Феллер, с мольбой поглядев на друга.

Доктор Крамер улыбнулся. Он понимал раздражение учёного, но при этом полагал, что общение с приятной женщиной может пойти ему на пользу.

– Не прогуляться ли нам всем вместе в лес? Мы могли бы дойти до реки, полюбоваться бурным течением среди снега и льда...

– Замечательная идея! Воздух в Поконо такой чистый в это время года. И пахнет хвоей и морозной свежестью, – оживлённо произнесла мисс Райт. – К тому же завтра я совершенно свободна, впрочем, как и сегодня вечером.

Она бросила многозначительный взгляд на профессора, однако Артур Феллер сделал вид, что не заметил его.

– Что ж, – проговорила Ребекка, не дождавшись приглашения вместе провести вечер, – думаю, что мне уже пора. Вечереет, нужно готовиться к обеду... А после него, как обычно, займу себя либо чтением книги, либо музицированием. Обещаю как-нибудь сыграть для вас... До завтра!.. Нет, не вставайте!

Поднявшись с шезлонга, она протянула руку профессору, который едва коснулся кончиков пальцев. Отойдя несколько шагов, Ребекка обернулась и задумчиво посмотрела на профессора.

– Даже и не надейтесь, мисс, – услышала женщина за спиной холодный, как сталь, голос, от которого её бросило в дрожь. – Профессор Феллер принадлежит только мне. И я не намерена делить его ни с кем: ни с вами, ни с кем-либо ещё.

Глава 10

Декабрь, 1936 год

Москва

ул. Большая Лубянка, д. 2

Спустившись этажом ниже, Аркадий и Екатерина Герасимовы оказались в подземелье, некогда служившем складским помещением для архивных дел НКВД. Мрак, густой, словно чернила, окутывал стены, чья поверхность была изъедена плесенью от вечной сырости. Единственным источником света была одинокая лампа, едва мерцавшая под низким сводом потолка, бросая призрачные, дрожащие тени. Воздух, тяжёлый и спёртый, был пропитан затхлым запахом влажной земли. Вдоль стен тянулись камеры, откуда не доносилось ни единого звука.

– Как тут холодно, – поёжилась Екатерина, плотнее кутаясь в шаль. – Неужели и в этих камерах содержатся люди? Но это же бесчеловечно!

– О чём ты говоришь, дорогая? О какой человечности? Для этих людей, – Аркадий покопился на конвоиров и надзирателя, – мы – преступники. А разве можно жалеть изменников Родины?

– Что? – Катя в ужасе уставилась на мужа. – О чём ты говоришь?

– Разговорчики! – рявкнул надзиратель. – Молчать! Ещё успеете наговориться... время будет.

Арестованные замолчали, погружившись в собственные размышления о происходящих событиях, которые складывались явно не в их пользу.

«Я как чувствовала, что не надо было связываться с этим трупом, – идя вдоль коридора, думала Екатерина. – Как же я была права! Но Аркадий такой принципиальный! Вот до чего нас довела его безапелляционность!» Её же мужа посещали мысли совсем иного плана. Он не раскаивался в содеянном, считая, что тогда поступил правильно. Однако ему не давала покоя одна мысль: «Почему это странное дело всплыло только сейчас? Почему сейчас, а не тогда, когда нас вызвали на допрос?»

– Встать лицом к стене! Не разговаривать и не поворачиваться! – скомандовал надзиратель, услышав лязг открываемой двери.

Арестованные остановились как вкопанные, не смея даже пошевелиться. Но когда в коридоре отчётливо раздались шаги, Екатерина украдкой скосила взгляд. Мимо в сопровождении конвоя прошла женщина с мертвенно-бледным лицом и взглядом, лишённым всякой искры. Она скользнула невидящим взглядом по стоящим вдоль стены людям и зашагала дальше.

Сердце Кати оборвалось, а ледяной страх сжал горло, ибо она только сейчас поняла: никто из них уже не вернётся домой. Всё кончено. Им суждено сгинуть в мрачных застенках Лубянской тюрьмы, куда попасть было проще простого, а вот выйти...

– Арестованные доставлены, товарищ майор, – доложил надзиратель. – Разрешите ввести?

– Разрешаю, – коротко бросил тот, отпустив его небрежным жестом.

Войдя в убогую комнату, арестованные невольно огляделись. Стены кабинета, выкрашенные в унылый серый цвет, лишь усиливали мрачную атмосферу тускло освещённого помещения. В центре стоял грубо сколоченный деревянный стол, на котором находились старый пишущий аппарат, несколько исписанных листов бумаги и чернильница. Вдоль стен теснились обшарпанные шкафы, в которых виднелись сложенные стопки пожелтевших дел. На полу валялись обрывки газет, прикрывавшие запачканный кровью пол.

– Итак, я ознакомился с вашим делом, гражданин Герасимов. Однако мне хотелось бы услышать ваши ответы лично, – отчеканил сидевший за столом товарищ Карелин, не отрывая взгляда от арестованного.

– Предложите моей жене стул, – хмуро сказал Аркадий, покосившись на стол и стул, стоявшие в углу и предназначенные для стенографистки. – Разве вы не видите, что она еле держится на ногах после ваших многочасовых допросов? Бесчеловечное поведение! Ни воды, ни еды! Ваши следователи не предъявили даже никакого обвинения, не говоря уже о том, что мы до сих пор не знаем, за что нас арестовали.

Майор молча, не мигая смотрел на арестованного. На его бесстрастном лице не дрогнул ни единый мускул. Пламенная речь художника не произвела ни малейшего впечатления на заместителя начальника ИНО ГУГБ НКВД. Ему не раз приходилось слышать подобные гневные монологи в начале допроса, после которого они обычно заканчивались слёзными просьбами сохранить жизнь.

– Вы не на курорте, Герасимов, – грубо прервал затянувшееся молчание товарищ Карелин. – Так что дамочке придётся постоять, как, собственно, и вам. И чем быстрее вы дадите показания, тем скорее я смогу принять решение по вашему вопросу. От ваших ответов, от вашей честности и желания покончить с весьма неприятным для вас делом сейчас зависит ваша жизнь, а главное, жизнь вашей очаровательной супруги. Поэтому отвечайте чётко и лаконично, без истерик и пустых обвинений. Надеюсь, я выразился ясно.

– Да, – опустив голову, негромко промолвил Аркадий. Он бросил быстрый взгляд на побледневшую Екатерину, нервы которой были напряжены до предела. Еле заметно пожав ей руку, пытаясь подбодрить, он приготовился отвечать на вопросы.

– Хорошо, я рад, что вы оказались благоразумнее и сговорчивее остальных. Итак, приступим: оставим пока вашу биографию в покое, она сейчас мало интересует меня, по крайней мере, до мая 1918 года. Хотя, вероятно, вам придётся припомнить и более раннее время. Слушаю вас внимательно! И помните: от ваших ответов будет зависеть, куда вы отправитесь после допроса – по одиночным камерам, где вы больше никогда не увидите друг с другом, или же домой. Решать вам!

– Товарищ Карелин, – не выдержав напряжения, энергично вмешалась Екатерина, – нам нечего скрывать. Я не прошу верить нам на слово, так как любое сказанное нами слово должно подкрепляться фактами и доказательствами, а нам нечем подтвердить наши действия ни в тот момент, ни потом. И только вам решать, верить или нет.

– Я просил говорить лаконично, – сухо напомнил Карелин.

– Да, я помню, простите... Что конкретно вас интересует?

– Прежде всего причина, по которой вы оказались именно в тот час и в том месте, когда на берег было выброшено тело государственного преступника.

– Я же уже говорил вашим следователям, – недовольно проговорил Аркадий, – мы натолкнулись на труп совершенно случайно.

– Товарищ Карелин, – взяв за руку мужа, перебила Екатерина. – Я сейчас расскажу вам всё, как было.

– Слушаю.

– Так сложилось, что мои родители не жаловали Аркадия, считая его заблудшим, никудышным человеком, совершенно неподходящим мне. Но сердцу не прикажешь. Поэтому мы встречались тайно. В тот злополучный день я в очередной раз сбежала из дома, хотя понимала, что по возвращении меня ждёт грандиозный скандал. Но я не могла поступить иначе, так как через день Аркадий отправлялся на фронт.

– Мне хотелось написать что-то на память Катюше, – добавил художник, – так как я не был уверен, что мы когда-нибудь ещё увидимся.

– Какая трогательная история, прямо сюжет для бульварного романа, – усмехнулся майор, скользнув насмешливым взглядом по супружеской паре.

– Но это правда! – воскликнула Екатерина. – Ту самую картину вы могли бы увидеть на выставке Аркадия, если бы хоть раз вышли из своего подземелья.

– Я сижу в этом, как вы выразились, подземелье, дамочка, только потому, что, кроме меня и моих сотрудников, некому ловить такую мразь и изменников Родины, как вы.

– Я бы попросил...

– Предъявите доказательства, – вновь перебила мужа Екатерина. – То, что мы обнаружили труп и доставили документы в ПЧК, ещё не доказывает нашу связь с преступниками. У вас есть другие улики?

«Смелая баба, – глядя на неё в упор, смекнул Карелин. – Из неё бы получился неплохой агент. Муженёк чересчур вспылчив, а вот она годится для оперативной работы. Напугана, это очевидно, но держит себя в руках».

– Есть, – вслух проговорил майор, беря в руки несколько листов. – Вот тут всё подробно изложено. Ваши сообщники выдали вас, так что отпираться не получится. Особый отдел ВЧК выявил немало предателей Родины, которые в годы Гражданской войны занимались саботажем и диверсиями. Что, станете отрицать, что вас вербовали белогвардейские агенты, предлагая немало денег в обмен на подрывную деятельность?

– Да, – признался Герасимов, понурившись, – вы правы. Ко мне действительно не раз подходили вышестоящие офицеры и намекали на некую организацию, «заинтересованную в таких людях, как я».

– Вы были монархистом? – неожиданно спросил Карелин.

– Нет, что вы, – испуганно ответил Аркадий. – Я всегда был далёк от политики.

– И что вы отвечали им? – допытывался майор.

– Ничего, – пожал плечами арестованный. – Говорил, что мне нужно время подумать над их предложением. Но после моего серьёзного ранения они оставили меня в покое, так как моё здоровье внушало им опасение, что в самый решающий момент я подведу их.

– Больше вы не встречались с этими агентами? – уточнил Карелин. – После возвращения с фронта, я имею в виду?

– Нет. После госпиталя я вернулся в Петроград, нашёл Катюшу, мы поженились, я пошёл учиться во ВХУТЕМАС... Впрочем, полагаю, мою биографию вы знаете наизусть.

– Повторю вопрос: вы сейчас должны отвечать совершенно откровенно, так как, – майор потряс бумагами, – здесь ВСЁ написано... Итак, после возвращения с фронта с вами не пытались больше наладить контакт?

– Я же уже сказал: НЕТ! – В голосе художника звучало отчаяние. – Ну как мне объяснить вам... я очень люблю писать картины. Я живу живописью! Обожаю запах красок, сам процесс рождения чего-то на холсте... Мне нравится творить! Я – художник, а не политик!

– В наше время все занимаются политикой в той или иной степени.

– Только не я... и не Катюша. Можете считать нас чудаками, блаженными, если угодно, но нас интересует только искусство.

– Хорошо, оставим на время эту тему... вернёмся к другому вопросу. – Майор отложил папку в сторону и взял другую. – Припомните, что покойный написал на песке перед смертью?

– Хм, – задумался художник, на лбу которого пролегли глубокие морщины, – дайте-ка подумать... По правде говоря, я не придавал особого значения всей этой истории, поэтому она не отложилась у меня в памяти. Да и времени прошло много с тех пор... Что же было написано? Что-то иностранными буквами... Это я точно помню.

– Ломард... или Лосард, – нерешительно произнесла Екатерина, пытаясь помочь мужу.

– Да-да, очень похоже... Первые буквы точно «Л» и «О», – подтвердил Аркадий.

– Хватит ломать комедию передо мной! – стукнув кулаком по столу, прогремел Карелин. – Вы прекрасно знаете, о ком идёт речь. Это Роберт Брюс Гамильтон Локкарт, британский дипломат, а по совместительству – агент британской разведки. Будете сейчас утверждать, что никогда не слышали о заговоре трёх послов и не имеете никакого отношения к нему? И что, проживая несколько лет в Штатах, ни вы, ни ваша жена не встречались с агентурой британской разведки и не получили за работу денег? Не виделись с Каламатиано²⁵ незадолго до его кончины? Что фамилии Рейли²⁶ и Кроми²⁷ вам ни о чём не говорят? Ни за что не поверю в эту чушь! У нас есть неопровержимые данные, что под видом художника вы ведёте двойную жизнь, готовя на территории СССР заговор против советской власти. Вот здесь... в этих документах всё подробно изложено. Мы знаем, чем вы занимались до отъезда в США, во время поездки и по возвращении. Благодаря собранным фактам, хранящимся в вашем досье, ваша контрреволюционная деятельность доказана. Пойдёте по статьям 58-1²⁸ и 58-2²⁹ УК со всеми вытекающими. Поэтому нечего лгать и увиливать. Только полная искренность и признание вины могут хоть как-то облегчить вашу участь.

На лице Герасимова выступила испарина. Он отчётливо понимал, что каждое сказанное им сейчас слово или заверение в невиновности будет восприниматься как утаивание правды о его участии в деятельности антибольшевистской организации, масштабную агентурную сеть которой удалось выявить. Аркадий вопросительно посмотрел на жену, ища поддержки и совета. Екатерина, силы которой были уже на исходе, гордо вскинула голову и перешла в контратаку. В её воспалённом мозгу крутился припев из «Интернационала»:

...Это есть наш последний
И решительный бой...

– Товарищ капитан...

– Я майор, – мрачно поправил Карелин.

– Простите, я не разбираюсь в знаках отличия.

– Ничего, продолжайте!

– Товарищ майор! – Екатерина взяла мужа за руку. – Прежде чем вы предъявите нам столь серьёзное и беспочвенное обвинение в измене Родине, а я полагаю, именно это вы и намерены сделать, нам бы хотелось ознакомиться с материалами нашего дела. На это мы имеем право? Разве нет? Голословно запугивать и приписывать досужие сплетни у вас не получится.

– Я не обязан знакомить вас с вашим делом, гражданка Герасимова, – с неприязнью поглядев на неё, ответил Карелин.

– А 4-е Разведывательное управление Генерального штаба РККА, особенно если запрос подписан лично товарищем Ворошиловым, – обязано! – послышался строгий голос. – Извольте ознакомиться!

В камеру вошёл статный военный в двубортной тёмно-серой шинели, от которого веяло уверенностью и силой. При его появлении Карелин вскочил с места и вытянулся по стойке смирно.

²⁵ Ксенофонт Дмитриевич Каламатиано (1882–1923) – российско-американский бизнесмен, который в 1918 году был обвинён в шпионаже в рамках «дела Локкарта».

²⁶ Сидней Джордж Рейли (1873–1925; настоящее имя – Зигмунд (Соломон Георгиевич) Розенблюм) – британский разведчик, секретный агент и авантюрист, «король шпионажа».

²⁷ Фрэнсис Ньютон Аллан Кроми (1882–1918) – военно-морской атташе Великобритании в России в 1917–1918 годах. Один из участников в заговоре против советской власти, который получил название «Дело Локкарта».

²⁸ Статья 58-1. Контрреволюционным признаётся всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских Советов.

²⁹ Статья 58-2. Вооружённое восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооружённых банд, захват власти.

– Здравия желаю, товарищ Никоненко!

– Вольно, – отозвался дивизионный комиссар. – Вот, читай.

Он нехотя протянул сложенный лист бумаги заместителю начальника ИНО ГУГБ НКВД:

– Мне велено немедленно доставить арестованных в распоряжение нашего отдела. Впрочем, необходимые сведения и так содержатся в этом документе.

Карелин взял бумагу, быстро развернул её и пробежал глазами по тексту. В нём содержался приказ о немедленной передаче гражданина Аркадия Петровича Герасимова и гражданки Екатерины Максимовны Герасимовой в ведение 4-го Разведывательного управления Генерального штаба РККА, товарищу Артузову. Документ был подписан народным комиссаром обороны СССР Маршалом Советского Союза К. Е. Ворошиловым.

– И поторопитесь, товарищ майор, – приказным тоном произнёс товарищ Никоненко. – Я не намерен здесь задерживаться надолго.

– Но, Александр Николаевич, – забормотал ошеломлённый Карелин. – Как же так? Я не могу их просто так отпустить! Что я скажу товарищу Слуцкому? Я же действую по его приказу!

– Товарищ Карелин, вы ставите под сомнение приказ Климента Ефремовича? – спросил дивизионный комиссар, вопросительно взглянув на майора государственной безопасности. – Вам напомнить, что оказание сопротивления лицу, исполняющему возложенные на него обязанности по военной службе, влечёт за собой лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой на срок до трёх лет? Советую на досуге перечитать Положение о воинских преступлениях, товарищ майор.

– Что вы, что вы... Вы неправильно поняли меня. – Лицо заместителя товарища Слуцкого покрылось испариной. Он буквально съёжился под тяжёлым, колючим взглядом дивизионного комиссара. – Я просто выполняю приказ моего непосредственного начальника.

– А я – своего... В деле Герасимовых появились новые факты, указывающие на их возможную причастность к разведывательной деятельности в пользу США и абвера. А это, товарищ майор, уже в компетенции нашего отдела.

Он посмотрел на побелевших от ужаса арестованных и, резко повернувшись, направился к выходу:

– Я жду за дверью. А у вас ровно минута на оформление необходимых документов, чтобы освободить их из-под вашей юрисдикции.

Глава 11

Декабрь, 1936 год
Москва
Гоголевский бул., д. 18
Тремя часами ранее

В кабинете корпусного комиссара Артузова повисла не сулившая ничего хорошего тишина. Известие о Герасимовых грозило перечеркнуть все усилия Артура Христиановича, опытного разведчика с многолетним стажем. Не спеша обойдя внушительный дубовый стол, он остановился у окна и погрузился в созерцание снежинок, плавно опускающихся с небес.

– Как они вышли на них? Почему? Каким образом Герасимовы вообще попали под их подозрение? Есть ли какая-то информация? – не поворачивая головы, спросил он. – Ты же докладывал, Александр Николаевич, что супруги вне подозрений. Неужели ты ошибся? Ты тщательно изучил их досье?

– Кроме одного странного случая с обнаружением трупа британского агента в мае 1918 года, ничего такого не удалось найти. Тогда дело не получило развития, даже допрос вели спустя рукава. В архиве имеется лишь заявление самого гражданина Герасимова и опись принятых у него документов. Всё!

– Существовала ли какая-то связь между убитым и Герасимовым или другими лицами, работавшими тогда на англичан?

– По моим источникам, никто из супругов не был замечен в заговоре или в контактах с участниками, занимавшимися антисоветской деятельностью. Да и в Штатах они не попадали под подозрение, по крайней мере, наши резиденты не замечали никакой подозрительной деятельности, иначе мне было бы известно.

– Точно? – Артузов повернулся к Никоненко и пытливо уставился на него. – Ты твёрдо уверен, что художник и его жена ни к чему не причастны? Помни, Александр Николаевич, у нас нет права на промах.

Товарищ Никоненко залился краской. Никогда он ещё не подводил командира. Он гордился своей безупречной службой, своей репутацией человека, на которого можно положиться.

– Я убеждён, что их арестовали по доносу какого-то недоброжелателя. Аркадий Петрович очень принципиальный человек, не терпящий лжи, как отзываются о нём знакомые. Всегда рубит правду-матку. А времена сейчас непростые. Все друг друга подозревают, именно поэтому у коллег с Лубянки много работы. А наш отдел один из первых в их списке.

– Да уж не тебе рассказывать мне, что у них там происходит, – мрачно заметил Артузов. – Бывшие соседи³⁰ не упускают возможности ставить палки в колёса, пытаются доказать свою эффективность и важность. Вечно вмешиваются в дела военной разведки. Наши успехи не дают им покоя.

Заместитель начальника 4-го Разведывательного управления был прав в своих умозаключениях. В атмосфере подозрительности, усиливающейся с каждым годом, нарастала напряжённость между ИНО НКВД, специализировавшимся на политической разведке, и 4-м Разведуправлением Генерального штаба РККА, ведавшим военной разведкой. Тесная взаимосвязь политической и военной обстановки приводила к неизбежному пересечению сфер деятельности, что, в свою очередь, выливалось в сознательное создание препятствий работе конкурентов. А личные амбиции руководителей структур этих ведомств, их борьба за власть и влияние негативно отражались на работе подчинённых и часто приводили к путанице и срыву операций.

³⁰ Так называли сотрудники НКВД друг друга.

– Что будем делать, Артур Христианович? Отменять операцию? Или мне подыскать другие кандидатуры?

– Уж больно эти-то привлекательны. Лучший шпион – тот, кто никогда не бывает заподозрен в шпионаже, – возвращаясь за свой массивный рабочий стол, проговорил Артузов. – Нужно придумать, как их вырвать из цепких рук товарища Слуцкого.

В кабинете вновь воцарилось молчание. Опытные разведчики, не раз уже сочинявшие хитроумные легенды для резидентов и агентов, напряжённо искали способ переиграть бывших коллег по ИНО. Варианты рождались один за другим, но пока ни один из них не годился.

– А что, если... – вслух произнёс Артузов, прервав паузу. Он снял трубку и набрал номер коммутатора. – Соедините меня с товарищем Урицким... Он у товарища Ворошилова? Соедините меня с его секретарём! Это срочно!

– Что вы задумали, Артур Христианович? – вопросительно поглядев на товарища, поинтересовался Никоненко.

– Столкнуть лбами двух мастодонтов. Пока они будут выяснять, кто из них влиятельнее, мы уведём из-под носа НКВД наших кандидатов на оперативную работу. А когда уже всё уляжется, то... Здравия желаю, товарищ Урицкий! Да, мне известно, что вы у товарища Ворошилова. Но дело, по которому я потревожил вас, крайне сложное и требует мгновенного решения... Нашей работе вновь нанесён ущерб со стороны сотрудников ИНО... Мне только что доложили, что мой резидент в Германии находится на грани провала, и всё благодаря нашим «соседям». Сегодня днём они арестовали моих связных, предъявив им сфабрикованные обвинения в государственной измене. Эти связные должны были сегодня передать агенту срочную информацию, предупреждающую его об опасности. Если до завтра мой человек не получит шифровку, то операция, на которую было потрачено больше пяти лет, пойдёт прахом. Мы потеряем ценного человека в абвере и подставим под удар всю остальную агентурную сеть. Придётся начинать всё заново, а в нынешней обстановке, вы знаете, это очень сложно, а точнее, почти невозможно... Надо что-то делать.

В трубке повисла напряжённая тишина. Артузов терпеливо ждал, давая возможность начальнику 4-го Разведывательного управления Генерального штаба РККА Урицкому оценить серьёзность ситуации и продумать возможные сценарии.

– Кто эти агенты? – после минутного молчания раздался недовольный голос Урицкого.

– Вы знаете их, ну, или когда-то слышали: известный художник Аркадий Петрович Герасимов и его супруга Екатерина Максимовна. Больше десяти лет они работают под прикрытием, выполняя сложнейшие задания. Сейчас они опять собирались в командировку, но...

– Хорошо, – перебил его Урицкий. – Через час я пришлю приказ о передаче их под нашу юрисдикцию.

– Подписанный товарищем Ворошиловым?

– Да...

В трубке раздалась короткая гудка.

– Ну что?

– Через час отправишься с приказом в ИНО, заберёшь наших деятелей искусства и доставишь их ко мне, – ответил Артузов. – С одной стороны, неприятно снова вступать в конфликт с НКВД, а они, поверь, не простят такой дерзости и ещё припомнят нам этот случай, но с другой стороны, наши подопечные будут весьма сговорчивы и, безусловно, согласятся на любую работу на предложенных нами условиях, лишь бы избежать повторного заключения в подвалах Лубянской тюрьмы.

– Вы так считаете?

– А ты бы поступил иначе? – хмыкнул Артур Христианович. – Не хотел бы я оказаться на их месте. Впрочем, уверен, что и ты тоже.

Если бы он знал, произнося эти слова, что через четыре с половиной месяца сам окажется на месте тех, кого так стремился вызволить. Вот только за него некому будет заступиться³¹.

³¹ Артузов, руководитель одной из самых успешных операций в истории разведки «Трест», был арестован 13 мая 1937 года. Он был обвинён по ст. 58-6 («шпионаж»), 58-8 («террор») и 58-11 («участие в контрреволюционной заговорщической организации внутри НКВД»). Расстрелян 21 августа 1937 года. 7 марта 1956 года корпусной комиссар Артузов был полностью реабилитирован.

Глава 12

Декабрь, 1936 год
Москва
Гоголевский бул., д. 18

Чёрный автомобиль, словно хищный зверь, мчался по опустевшим улицам Москвы, унося арестованных подальше от страшного места в неизвестном направлении.

– Куда вы везёте нас? – спросил Аркадий Герасимов дивизионного комиссара, выйдя из дверей здания на Лубянской площади.

– Вы узнаете обо всём, но позже. Садитесь в машину! – скомандовал человек сурового вида. – У нас нет времени на разговоры.

Посмотрев на стоящего возле него военного, художник, устало вздохнув, опустился на заднее сиденье, где уже сидела его супруга, терявшаяся в догадках, и молча уставился в окно.

– Что он сказал? – тихо спросила Екатерина.

– Только то, что мы должны поторопиться, так как у нас мало времени.

– Мало времени? Но для чего?

– Не могу ответить тебе на этот вопрос, Катюша. Похоже, мы избежали одной напасти, но неожиданно для себя угодили в другую. Нас миновал расстрел, но кто знает, какая печальная участь уготована нам впереди.

– Но мы же со всем справимся? – Катя взяла под руку мужа и прижалась к нему. – Мы же вместе. Я права?

– Конечно, мы справимся со всеми трудностями, – поцеловав жену в макушку, ответил Аркадий. – Вот только мне было бы гораздо легче, если бы я был один сейчас, а ты дожидалась бы меня дома в безопасности.

– И сходила бы с ума от тревоги за тебя? Вот уж нет! Ты же знаешь, что самое страшное – это неведение. Вспомни слова Достоевского из «Двойника»: «Беспокойство и неведение о чём-нибудь, близко его задевающим, всегда его мучило более, нежели самое задевающее». Поэтому я очень рада, что мы вместе.

– Конечно, дорогая!

Аркадий обнял супругу за плечи и прижал к себе. Больше всего на свете он хотел в этот миг, чтобы этот кошмар оказался лишь сном: пугающе реальным, но всё же сном. Художник надеялся, что стоит им только открыть глаза – и они окажутся дома, в своей уютной московской квартире, полученной сразу после возвращения из Штатов. Герасимов вспомнил, с какой любовью Катюша обставляла их скромное жилище, с какой радостью они праздновали новоселье с друзьями. Это было их семейным гнёздышком – небольшим, но чистым и уютным.

– словно два воробышка, съёжившихся от холода, – пробормотал Никоненко, устремив взгляд в сторону задремавших арестованных. – Сидят, нахохлились. Видно, хорошо парочку на Лубянке пощипали. Умеют, черти, обрабатывать людей, обнажая их душу, как пред ликом смерти. После таких «ласковых» допросов любое признание подпишешь за возможность прилечь и забыться, ну, или хотя бы присесть на табуретку.

– За что их взяли, Александр Николаевич? – спросил шофёр, не отрывая внимательного взгляда от дороги.

– Ты давай крути баранку и задавай поменьше вопросов, – буркнул дивизионный комиссар. – Во mnogой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь³², как сказал Соломон.

³² Книга Екклесиаста, 1:18.

– Кто-кто? – спросил водитель. – Соломон? А это кто? Он из Секретариата ЦК?

Дивизионный комиссар с сожалением поглядел на молодого парнишку лет двадцати:

– Учиться тебе надо, Василий, если не хочешь всю жизнь за баранкой просидеть.

– А зачем учиться-то? – слегка пожал плечами тот. – Мне и так хорошо. Еда есть, обмундирование выдают, жильём обеспечили. Деньги тоже имеются, хоть и небольшие. Чего ещё нужно для счастья деревенскому парню? На следующей неделе маманя приедет, гостинцев навезёт из деревни... Это вон пусть профессура да академики умные книжки читают, а я и без них как-нибудь обойдусь.

– Так вот, без этих, как ты сказал, «умных книжек» нам, советским людям, нельзя. Невежество и низкий культурный уровень трудящихся ограничивают их возможности в полной мере участвовать в великом деле строительства социализма. Об этом сам Владимир Ильич Ленин не раз писал в своих трудах. Иосиф Виссарионович Сталин также неоднократно подчёркивал необходимость образования. Этот вопрос он, помнится, затронул ещё на восьмом съезде ВЛКСМ, заявив: «Чтобы строить, нужно знать, нужно овладеть наукой. А чтобы знать, нужно учиться. Учиться упорно, терпеливо. Учиться у всех – и у врагов, и у друзей, особенно у врагов»... А ты «зачем», «зачем».

– Как вы всё помните, Александр Николаевич? – спросил Василий, искренне восхищаясь дивизионным комиссаром. – Ну и память у вас!

– Разведчик не имеет права ничего пропускать. Внимательность, сдержанность, расчётливость, исключительное самообладание, решительность – вот черты характера, помогающие ему в работе. И, конечно, знания. Знания для того, чтобы одолеть противника, переиграть его, просчитав все ходы. Так что без знаний нам нельзя, Василий. Уж больно враг силен и коварен. А мы должны на несколько шагов опережать его и предвидеть его замыслы.

– Я всё понял, товарищ Никоненко, – сказал шофёр, – был неправ, простите. Обещаю, что весной запишусь на вечерние курсы.

– Вот и молодец... А главное – не забывай читать. В книгах можно почерпнуть бездну мудрого.

За разговором они и не заметили, как подъехали к обшарпанному дому на Гоголевском бульваре, где располагалось 4-е Разведывательное управление Генерального штаба РККА.

– Приехали! – распахнув дверь автомобиля, скомандовал Никоненко. – Выходите!

Холодный воздух, окутав арестованных, мгновенно разбудил их.

– Ч-что? Что случилось? – сонно пробормотала Екатерина, кутаясь в шаль. – Г-де мы?

– Не знаю, милая, – протирая глаза, отозвался её супруг. – Видимо, страшный сон всё же оказался явью...

– На выход! – строго повторил военный, нетерпеливо оглядываясь по сторонам.

– Да-да... мы идём, – поспешно ответил Герасимов, помогая жене выбраться из машины.

Через несколько минут арестованные в сопровождении дивизионного комиссара уже стояли в кабинете перед человеком с небольшой аккуратной бородкой и пронзительными тёмными глазами.

– Рад лично познакомиться с вами, Аркадий Петрович... и с вами, Екатерина Максимовна, – вежливо проговорил незнакомец, протягивая руку. – Разрешите представиться: меня зовут Артур Христианович Артузов, заместитель начальника 4-го Разведывательного управления Генерального штаба РККА... Прошу вас, присаживайтесь. Может быть, чай?

– Было бы неплохо, – растерянно произнёс Аркадий, теряясь в догадках. – Признаться, утром даже не успел выпить чаю, так торопился на открытие своей выставки.

– Александр Николаевич, пожалуйста, попроси сделать нам чай, и если есть что-нибудь съестное, пусть принесут. Это подкрепит силы наших гостей. Наверняка вы проголодались, не так ли?

– Угадали. – Улыбка тронула посиневшие от холода губы Екатерины. – Нас арестовали ближе к вечеру, увезли прямо с выставки на глазах наших гостей! Могу только представить, что они сейчас говорят о нас, какие строят гипотезы... И как злорадствуют наши враги!

– Кстати, о врагах, – перебил её Артузов. – У вас есть предположение, кто настолько ненавидел вас и вашего супруга, что решился написать донос?

Аркадий в недоумении развёл руками:

– Мне казалось, что у меня нет недоброжелателей. Возможно, есть завистники моего таланта, но вряд ли кто-то из них отважился собрать непонятно откуда взявшийся обвинительный материал и передать его в НКВД.

– Из вашего досье... да, у нас тоже есть папка с вашей историей, – доброжелательно улыбнулся корпусной комиссар, увидев, как тень тревоги легла на усталые лица арестованных, – нам известно об одном странном стечении обстоятельств. Догадываюсь, что следователи неоднократно сегодня задавали вопросы по данному делу, пытаясь выяснить вашу причастность к событиям давно минувших дней, чтобы сфабриковать обвинение. Мы тоже по своим каналам проверили эту информацию. Однако нам не удалось ни обнаружить вашей причастности к заговору трёх послов, ни установить связи с британской разведкой или с какими-либо другими службами.

– Вы не нашли их, – отчуждённо произнесла Екатерина, уставшая от бесконечных вопросов на одну и ту же тему, – потому что их не было, нет и не будет. Мы – честные граждане, преданные Родине и делу нашей партии. Мой муж – художник, а не интриган. Нам чужды закулисные заговоры, кровопролитные войны и грязная борьба за власть. Хотя вы можете мне сейчас возразить, что искусство – самая сильная форма внушения, способная повернуть сознание людей в нужное русло.

– Вы проницательны, Екатерина Максимовна, именно это я и хотел вам ответить, – улыбнулся Артузов, довольный первым впечатлением, которое произвели на него находившиеся напротив гости.

Раздался стук в дверь, и на пороге возник молодой человек с подносом.

– Иван, входи, – приказал Артузов.

Подчинённый осторожно внёс поднос и поставил его на стол комиссара.

– Простите, но я нашёл только несколько ломтей белого хлеба, – виновато проговорил солдат. – Но зато я раздобыл для вас сахар. С ним же вкуснее...

– Спасибо, Ванюша... Свободен!

Затем он посмотрел на супругов Герасимовых и жестом пригласил разделить с ним трапезу.

– Возвращаясь к разговору о линии невмешательства в политику, – продолжил Артузов, – вы не должны забывать мудрые слова товарища Сталина, который не раз подчёркивал, что культура – важная составная часть господствующей в обществе идеологии и используется для защиты интересов трудящихся. Собственно, Аркадий Петрович, в ваших произведениях вы неуклонно следуете этому принципу. Не так ли?

– Вы правы. Вот потому-то я и стою за реализм, за правду в искусстве. Что толку в этих абстракциях? В них нет живых людей, которым хочется подражать, – одна лишь холодность и души нет. Наверное, за эту позицию меня и недолголюбивают. А я поддержал большевиков с первых дней революции, поверив им. Надоело мне это старое, монархическое.

– Дорогой, ты никогда не изменял себе, за это я и полюбила тебя. А угодить всем невозможно. Ты поступаешь правильно: лишь мелкие душонки с непомерными амбициями готовы пресмыкаться, лицемерно подлаживаться под чужое мнение, лишь бы их заметили. Они готовы предать себя, свои убеждения, идеалы партии. Вспомни, сколько раз ты критиковал работы новоиспечённых художников, называя их мазнёй сумасшедших? Вы же согласны, что сегодня первостепенная задача советской интеллигенции – создавать произведения, всесторонне рас-

крывающие образ простого, прекрасного советского человека, показать лучшие черты его характера. И, Аркадий, тебе это блестяще удаётся.

Аркадий с благодарностью поглядел на супругу. Катюша, его любимая жена, его верная спутница! Без её слов поддержки, сказанных всегда в нужное время, он не смог бы ни работать, ни творить, да и вообще жить. Она как маяк в кромешной тьме, указывающий ему путь в тихую гавань, где его всегда ждут, где он может обрести покой и умиротворение. Артур Христианович пристально изучал супружескую пару. Он хорошо разбирался в людях, а его кадровое чутьё позволяло ему безошибочно подбирать подчинённым и агентам дела по силам и возможностям. Вот и сейчас, глядя на сидевших напротив людей, Артузов был уверен: он сделал верный выбор.

– Ваша супруга права, – подтвердил корпусной комиссар. – Я не раз видел ваши работы, читал восторженные отзывы не только ваших коллег, но и известных общественных деятелей. О вас положительно отзывались и члены партии. Именно поэтому я и пригласил вас в столь поздний час. Но прежде чем я раскрою причину вашего визита, мне необходимы ваши заверения в том, что этот разговор останется между нами, то есть в строжайшей тайне. Потому что речь пойдёт о серьёзных вещах, которые могут стоить жизни не только мне, но и вам, ибо на данный момент я – единственный человек, кто может оградить вас от когтей Иностранного отдела НКВД. Если меня арестуют, то вы немедленно вернётесь в то место, откуда я вызволил вас с таким трудом.

Супруги Герасимовы невольно вздрогнули. С каждым словом заместителя начальника 4-го Разведывательного управления Генерального штаба РККА гости словно съёживались под тяжестью нависшей угрозы. Кто бы мог подумать, что мирная беседа об искусстве даже в этот поздний час обернётся предостережениями.

– Что вы хотите от нас? – глухо спросил Аркадий, поставив стакан на поднос. – Для чего вы вытащили нас из тюрьмы? Явно не потому, что вам понравились мои полотна.

– Вы правы, не только поэтому, – согласился с ним Артузов. – Я намерен предложить вам сотрудничество, работу на благо нашей страны.

– Какого рода? Нарисовать ваш портрет? Или портреты вашего руководства?

Артузов молчал, не сводя взгляда с гостей.

– Ну хорошо, – поколебавшись, ответил Аркадий. – Мы готовы дать клятвенное обещание, что всё, о чём тут будет сказано, умрёт с нами навсегда. Этого достаточно? Вы поверите нашему слову?

– Безусловно, – подтвердил военный. – К тому же у вас нет другого выхода. Стервятники из ИНО не дремлют, они будут пристально наблюдать за вами.

– Мы понимаем. И всё же, что вы хотите от нас?

– Моё предложение напрямую не связано с вашей деятельностью, хотя и ваши выдающиеся способности, разумеется, сыграют важную роль в предстоящей работе.

– Артур Христианович, – произнесла Екатерина, заметив, что тень тревоги омрачила лицо мужа, – вы говорите загадками, достойными Пифии³³. Не могли бы пролить свет на истинную суть вашего предложения вместо того, чтобы запугивать нас возможностью опять оказаться в том подвале?

Немного помедлив, корпусной комиссар рассказал им о тревожных сведениях, поступающих от резидентов, касающихся значительного прогресса в атомной сфере, о своих растущих подозрениях.

– То есть вы хотите сказать, что некая влиятельная сила в Штатах, а возможно, и в Европе вынашивает коварный план направить открытия учёных против человечества?

³³ Оракул при храме Аполлона в Дельфах в Древней Греции.

– Я бы сказал, не против человечества, а конкретно против нашей страны, – поправил Екатерину Артузов. – Да, это моё предположение, которое не поддерживает моё руководство. И сейчас я подставляю шею под гильотину, действуя втайне от начальства.

– Но почему? – искренне удивился Аркадий. – Зачем вы это делаете? Вы же рискуете жизнью!

– Наверное, потому, что вместе с горсткой моих ровесников в марте 1918 года я принёс клятву бороться со злом до последнего дыхания. А может, потому, что я всей душой стремлюсь к миру, где не будет несправедливости и преступлений. Я мечтаю о том, чтобы не было угнетения, братоубийственных войн и вражды между народами. Как говорил мой бывший руководитель Феликс Эдмундович Дзержинский: «Я хотел бы объять своей любовью всё человечество, согреть его и очистить от грязи современной жизни».

– Никогда бы не подумала, что товарищ Дзержинский был склонен к романтике, – с неподдельным удивлением посмотрела на Артузова Екатерина. – В моём представлении он был человеком сухим, энергичным, похожим на натянутую струну.

– Вы совершенно правы, – кивнул корпусной комиссар. – Именно таким он и казался людям, не знавшим его лично: государственный деятель, неутомимый боец за справедливость. Но те, кто имел счастье работать с ним, знали его с другой стороны: обаятельный идеалист, цельная светлая личность, добрейший и отзывчивый товарищ.

– Такое ощущение, что вы говорите совершенно о другом человеке, – сказал Герасимов.

– Он был прирождённым разведчиком, а в разведке всё не так, как может показаться на первый взгляд.

Корпусной комиссар замолчал, чтобы дать время гостям обдумать полученную информацию.

– Правильно ли я поняла вас? – прервав молчание, спросила Екатерина. – Вы ставите нас перед выбором: либо работать на ваш отдел, либо вы вновь передадите нас в руки НКВД. Я ничего не упустила?

– Вы верно уловили мою мысль, – подтвердил Артузов.

– Да уж... выбор у нас небольшой, – задумался Аркадий.

Герасимов взглянул украдкой на утомлённое лицо жены. Его сердце сжалось от боли и отчаяния при виде измученной допросами и тревогой женщины, которой он, казалось, был бессилен помочь. Или всё же мог?

– Если мы согласимся выполнить ваше задание, то вы немедленно отпустите нас домой, а после выполнения задания оставите в покое навсегда? – внезапно спросил художник, в упор глядя в глаза корпусному комиссару. – Вы сможете гарантировать нам полную свободу и прекращение дела в Иностранном отделе НКВД?

– Аркадий! Что ты такое говоришь? Я не могу...

– Дорогая, прошу тебя, не сейчас, – перебил её супруг. – Итак, я жду ответа!

– Да, после выполнения задания... успешного, разумеется, его завершения, вы сможете зажить прежней жизнью: создавать новые шедевры, организовывать выставки, ездить с лекциями. О вашем участии в этой операции никому не будет известно. Для всех окружающих вы будете приглашены для написания портрета известного профессора, друга Принстонского университета, а заодно и для переговоров о проведении персональной выставки в США. Но вы должны понимать, что с момента вашего согласия сотрудничать с нами вам придётся вести двойной образ жизни, намеренно вводя в заблуждение не только родных и друзей, но и коллег.

– И кого мне нужно будет увековечить на холсте, а моей жене... очаровывать?

– Профессора Артура Феллера...

Глава 13

Декабрь, 1936 год
Москва
ул. Большая Лубянка, д. 2

– То есть как – увезли?! Куда?! Почему мне сразу не доложили?! – стукнув кулаком по столу, прогремел начальник Иностранного отдела ГУГБ НКВД комиссар государственной безопасности второго ранга Слуцкий³⁴.

Резко вскочив с кресла, он зашагал по кабинету. В последнее время 4-е Разведывательное управление РККА всё чаще вмешивалось в работу Иностранного отдела НКВД и в работу Особого отдела, превышая свои полномочия.

– Но что я мог поделать, Владимир Борисович? – робко ответил товарищ Карелин, стоявший перед начальником по стойке смирно, удивлённо взирая на него.

Этот человек-хамелеон, позволявший себе кричать на подчинённых и грубить им, при начальстве вёл себя весьма скромно.

– У него был приказ, санкционированный лично товарищем Ворошиловым.

– Что-что... Звонить немедленно мне! Мне что, учить вас нужно?... С кем приходится работать!

Он окинул презрительным взглядом стоящего перед ним оперативника, о профессиональных качествах которого был невысокого мнения, впрочем, как и о нём самом. «Упрям, твердолоб, честолюбив, интеллектуальные способности средние, без воображения, отсутствует чувство юмора, – всплыла в памяти запись из личного дела товарища Карелина. – Однако отличается высокой работоспособностью и беззаветной преданностью делу Коммунистической партии... Но только этого недостаточно, чтобы быть разведчиком. Крайне недостаточно».

– Нет, это вопиющее безобразие! – продолжал возмущаться начальник, остановившись у окна и глядя на заснеженный двор. – Они что, считают себя неприкасаемыми? Мы отвечаем за безопасность наших граждан и страны, за защиту их свобод, в конце концов, а они... Они крадут у нас подозреваемых!

Товарищ Слуцкий чувствовал, что его самолюбие задето, а авторитет – подорван. Внутри нарастал гнев. Он вспомнил последние несколько провалов, связанных с деятельностью 4-го Разведывательного управления, и его негодование лишь усилилось. Они не просто переходили дорогу – они намеренно вставляли палки в колёса, подрывая тщательно выстроенную систему работы. Давно прошли те времена, когда военные и чекисты успешно координировали действия в ходе совместных операций. Сейчас же накопившиеся разногласия двух управлений привели к тому, что участились случаи необоснованных репрессий против сотрудников то одного, то другого ведомства. Ни Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 мая 1934 года, призванное урегулировать ситуацию, ни реорганизация всей системы военной разведки, ни переброска ценного сотрудника – товарища Артузова – на должность заместителя начальника этого управления не изменили ситуацию. Скорее наоборот, усугубили её.

Вернувшись за стол, он резко схватил трубку и отчеканил:

– Соедините меня с Артузовым. Немедленно!.. Мне всё равно, что сейчас шесть утра! Это срочно!

Прошло несколько томительных минут, прежде чем в трубке раздался знакомый голос его бывшего начальника:

³⁴ Владимир Борисович (настоящее имя Абрам Аронович) Слуцкий (1898–1938) – советский разведчик и дипломат.

– Здравствуйте, товарищ Слуцкий. Вы тоже ещё не ложились?

– Тоже-тоже, – язвительно процедил Владимир Борисович. – Что же вы творите, товарищ Артузов? Или считаете, что присвоение звания корпусного комиссара даёт вам право делать всё, что вам заблагорассудится?

– Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду. – Артур Христианович был поражён напором бывшего подчинённого, которого всегда знал как человека выдержанного и тактичного. Сейчас же этот умный и обычно вежливый собеседник был явно взбешён.

– Прекратите притворяться и делать вид, что ничего не понимаете! – с плохо скрываемым возмущением ответил Слуцкий. – Вы прекрасно обо всём осведомлены! Решили в 4-м управлении сыграть со мной в кошки-мышки? Это вы направили к нам Никоненко? Ваших рук дело?

– Я только выполнял распоряжение моего начальника, товарища Урицкого. Товарищ Ворошилов поддержал его решение. Я всего лишь исполнитель.

– Знаю я, какой вы «только исполнитель», – буркнул Владимир Борисович, не поверив ни единому слову бывшего начальника. – Что вам нужно от художника и его жены?

– Не думаю, что вправе обсуждать с вами работу нашего управления, – ровным тоном ответил Артузов. – Уверен, что вы поступили бы так же. Скажу только, что у нас есть основания не просто арестовать их, но и обвинить в государственной измене со всеми вытекающими последствиями.

– Товарищ Урицкий затеял большую игру, как я погляжу, – задумчиво проговорил начальник ИНО, бросив уничижительный взгляд на товарища Карелина. – Зря он не посоветовался со мной. Да и вы могли бы позвонить мне, помнится, мы неплохо ладили в прошлом. Уверен, что мы бы быстро решили вопрос, не беспокоя наркома.

– Повторюсь, я лишь выполнял приказ, – вновь сказал Артузов. – Если же вам нужны подробности, то вы можете запросить их у Семёна Петровича.

Слуцкий побагровел. Об их скрытом противостоянии и взаимных претензиях к методам работы знали немногие. Разведчики не выносили сор из избы. Непримиимые противоречия и работа в конкурирующих структурах сделали их если не врагами, то уж точно не друзьями. Владимир Борисович считал Урицкого недисциплинированным и слишком мягким для занимаемой должности человеком, который не раз докладывал наркому о крайне жестоком обращении с арестованными во время допросов на Лубянке и требовал проведения расследования.

– Я понял вас, товарищ Артузов, доброй ночи, – ответил Слуцкий и бросил трубку.

В кабинете повисло гнетущее молчание.

– Похоже, военная разведка затевает какое-то масштабное дело и делиться славой с нами не намерена, – пробормотал Слуцкий. – Ну что ж, это мы ещё посмотрим!

Положив трубку, Артузов пристально посмотрел на сидевшего напротив Никоненко.

– Слуцкий взбешён, но выяснять подробности у Семёна Петровича не станет, я уверен в этом, – прокомментировал он свой разговор с бывшим подчинённым. – Однако нам придётся сочинить для него и товарища Урицкого убедительную легенду, мнимую операцию, чтобы объяснить пропажу наших агентов.

– А если Герасимовы засветятся в Штатах, попадут в газеты или резиденты, работающие на НКВД, их случайно обнаружат? Что мы тогда будем делать?

– Импровизировать, – подмигнул Артузов. – Мало ли мы за свою жизнь выдумывали всяких историй? А вообще, лучшая ложь – это правда. Посему когда их пути пересекутся с нашими агентами или резак³⁵, то в случае необходимости они расскажут правду: их пригласил ректор Принстонского университета, который уже не первый год жаждет заполучить такого

³⁵ Глава резидентуры.

гения в свои стены. Утром я займусь этим вопросом. Кроме того, необходимо проинформировать Звука³⁶ о прибытии наших подопечных, подчеркнув конфиденциальность их миссии.

– Но, по подтверждённым данным, он находится под пристальным наблюдением агентов ФБР.

– Да, я знаю о повышенном внимании к его туристическому агентству в связи с участием в работе Комитета помощи Испании. Мне говорили, что Слуцкий рекомендовал при вербовке и работе с агентами избегать людей, работающих в партии, но при этом поддерживать контакты с резидентом, используя его связи крайне осторожно.

– Тогда, может быть, мы всё же не станем рисковать? – вопросительно посмотрев на корпусного комиссара, уточнил Никоненко.

– Ты же понимаешь, Александр Николаевич, что для сохранения в тайне целей нашей миссии мы не можем прибегать к привычным каналам. В распоряжении товарища Голоса много людей, никак не связанных между собой. А так как Слуцкий и Семён Петрович в настоящее время минимизировали контакты с ним, это скорее играет нам на руку.

– А художник и его жена согласились на ваши условия? – поинтересовался Никоненко.

– А ты бы отказался от такого предложения? – усмехнулся Артур Христианович. – У них не было иного выхода. Смерть или работа на нас. Что бы ты выбрал?

– Они справятся, как вы считаете?

– Герасимовы – твой выбор. Ты рекомендовал их. Теперь уже поздно сомневаться, – нахмурился замначальника разведки. – С завтрашнего дня начнут обучение в нашей школе по подготовке кадров. Через полтора месяца посмотрим, что из этого выйдет.

Войдя в квартиру, Екатерина обессиленно опустилась на кушетку рядом с вешалкой.

– Какой огромный день, – прошептала она, опустив голову на руки. В памяти вновь всплывали отголоски этого безумного, страшного дня.

– Катюша, тебе надо поспать, – опустившись перед ней на колено, произнёс Аркадий. – Сегодня... точнее, уже вчера было слишком много тревожных волнений. Давай я помогу тебе раздеться.

– Полагаешь, мы поступили правильно? – Катя подняла голову и в упор посмотрела на мужа.

Тот поднялся и прошёлся по коридору. Ему совершенно не понравилась идея шпионить за всемирно известным учёным, но больше всего его терзали слова заместителя начальника разведки: «Ваша жена должна очаровать, пленить профессора. Добиться его доверия любыми способами».

– Любыми способами... любыми способами, – пробормотал он.

– Что?

– Да так, ничего, дорогая, – ответил Аркадий, подойдя к ней.

Он взял жену за руку и помог подняться. Художник с нежностью поглядел на супругу и погладил по голове:

– Мы приняли единственное верное решение, потому что нам предоставили всего два пути: либо тюрьма, либо слежка.

– Но ты понимаешь, насколько это сложное задание? – не унималась Екатерина. – Следить за человеком, добывать сведения... Я... я не представляю, как это делать!

– Товарищ Артузов сказал, что за шесть недель нас всему обучат.

³⁶ Яков Наумович Голос (1889–1943) – один из основателей Коммунистической партии США и член её руководства; один из самых плодотворных иностранных агентов советской внешней разведки, сумевший в предвоенные и военные годы создать обширную разведывательную сеть в США.

– Хм... обучат. Флиртовать с посторонним мужчиной на глазах у мужа меня тоже будут обучать? Или ты так спокойно говоришь о задании, потому что тебе безразлично, что со мной будет?

Она бросила на кушетку пальто, сняла ботинки и, надев домашние тапочки, пошла в комнату. Беспросветное отчаяние захлестнуло Катю. Женщина легла на кровать и зарыдала, наконец дав волю чувствам.

– Ну конечно, мне не всё равно. Как ты могла такое подумать? – присев на край кушетки, сказал Аркадий. – Я люблю тебя, и мне сложно примириться с мыслью, что всю грязную работу придётся выполнять тебе. Но необходимость выбора заставила меня пойти на крайние меры. Твоя безопасность – мой главный приоритет. Если бы мы отказались, то сейчас бы сидели не в нашей квартире, а опять у гнусных следователей на Лубянке. Ты этого хотела? Если да, то я сейчас позвоню товарищу Артузову и скажу, что мы отказываемся от предложения.

Он попытался обнять супругу, но Екатерина резко отстранилась. Она понимала правоту мужа, но всё равно гадливое чувство не отступало. Её продали, как... как бессловесную вещь. Зарывшись в подушку, она продолжала плакать от досады и бессилия.

– Хорошо, давай сначала немного отдохнём, а после поговорим, – подытожил Аркадий, вставая с кровати. – Добрых снов!

Однако наутро ситуация не изменилась. Екатерина продолжала молчать, не обращая внимания на мужа и не слыша его слов. Её бледное лицо застыло в каменной неподвижности, а в потухших глазах больше не было той задорной искры, что разжигала огонь в душе Аркадия. Его супруга превратилась в тень. Она молча собрала вещи и, когда за ними прибыл офицер, лишь произнесла бесцветным голосом:

– Мы готовы.

Глава 14

Февраль, 1937 год
США

Десятидневный отпуск пошёл на пользу профессору Феллеру, возможно, благодаря навязчивому вниманию экстравагантной особы. Если поначалу Артур морщился при её появлении и старался поскорее избавиться от неё, то спустя несколько дней настолько привык к её бесконечной болтовне, что уже спокойно переносил её общество. Ребекка Райт стала вызывать у него некое подобие симпатии. Учёный словно пробудился от спячки и уже не стремился к одиночеству и затворничеству. Жизнь постепенно возвращалась к нему, о чём он не преминул сообщить доктору на прощальном ужине, устроенном хозяйкой отеля специально в честь профессора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.